

попаданец

ПОПАДАНЕЦ

Юрий Корчевский
СТУПЕНИ
НА ЭШАФОТ

Попаданец (АСТ)

Юрий Корчевский
Ступени на эшафот

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Корчевский Ю. Г.

Ступени на эшафот / Ю. Г. Корчевский — «Издательство АСТ»,
2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-134493-1

Павел вышел в отставку, но службу в Охранном отделении несёт его сын Матвей. Революционеры всех мастей перешли от террора индивидуального, направленного на государя, к террору массовому. В людных местах боевики почти всех партий взрывают бомбы, призывают народ на баррикады. А сами проводят экспроприации, фактически грабежи банков, артелей, почты. И что для Матвея самое омерзительное, в министерстве находится предатель интересов службы, да не один.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134493-1

© Корчевский Ю. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Корчевский

Сатрап: Ступени на эшафот

Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»

© Юрий Корчевский, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Серия «Попаданец»

Выпуск 103

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

*Каждый выбирает для себя
женищницу, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.
Каждый выбирает по себе
слово для любви или молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает по себе
щит и латы, посох и заплаты,
меру окончательной расплаты...*

Ю. Левитанский

Предисловие

На следующий год после женитьбы у Павла родился наследник, наречённый Матвеем. Продолжатель рода! Уж как Павел рад был! В сорок лет отношение к детям не такое, как в двадцать. Мать Матвея, Анна, учительница по образованию, как малец подрос, стала его наукам обучать. Без фанатизма, чтобы у мальчика интерес не отбить. Со сказок русских народных на сказки и поэмы Пушкина перешла. А пришла пора обучаться, Павел сына отдал в хорошую гимназию недалеко от дома. В Пажеский корпус устроить не удалось, на обучение брали потомственных дворян, в Царскосельский лицей – дорого. Хорошо Матвей учился, третьим на курсе гимназию закончил. А потом в Михайловское артиллерийское училище, в армии уважаемое. Павел считал, что армию пройти надо. И империи послужить, и перспектива роста. Кто не служил, того на государственную службу не берут. Понравится служить, пусть будет офицером. Не понравится, так по примеру Павла в жандармы пойдёт или в полицию, а то и чиновником в какое-либо министерство. В университет Павел сына отдавать не хотел, много вольнодумства, разных тайных обществ. Матвей парень молодой, по неопытности вляпается неосторожно, пятно на всю жизнь. Три года в училище пролетели быстро. Павел даже подсадовал. Надо было сына в Михайловскую академию отдать учиться. Дольше, зато престижнее.

Вот гдегодились прошлые связи, в первую очередь с генералом, которому помог, уничтожив бумаги Судейкина. После училища Матвей должен был отправиться служить на Кавказ, но остался в столице. Мало того, Павел устроил его в жандармерию, в Охранное отделение. Успел ввести парня в курс дела, поднатаскать. Конечно, хорошо бы пройти такую школу, как у Путилина, в Сысской полиции, да к тому времени Иван Дмитриевич уже помер, прожив 63 года, в своём имении. Умер от инфлюэнции, как называли тогда грипп, осложнившийся воспалением лёгких. Похоронен был в Тихвинском уезде Новгородской губернии. Вышел Путилин в отставку в чине тайного советника (соответствует в табели о рангах армейскому генерал-лейтенанту), а богатств не нажил. Дочери своей даже имения не оставил, ибо после смерти владельца его продали за долги.

Матвей оказался учеником способным, вникал в дело со всем тщанием. И очень вовремя год прошёл, потому как Павел и сам в отставку вышел в чине полковника, отдав государственной службе двадцать пять лет. Правление Александра III оказалось спокойным. Россия не вела ни одной войны, террористическая деятельность всякого рода революционеров резко пошла на спад.

Павел отставкой был доволен. Получал полный пенсион от Охранного отделения, да доплату за орден Владимира. А ведь мог бы и голову сложить в лихие годы. Полагал – и сыну служить спокойно будет.

Александр III скончался в Крыму, на престол взошёл его сын и спокойствию в империи пришёл конец.

Глава 1

СЫН

Поскольку специальных жандармских училищ не было, при губернских управлениях для рядовых жандармов и младшего начальствующего состава образовали краткосрочные курсы. Для новичков-офицеров такие курсы были в столице, длились от четырёх до шести месяцев. Изучали организацию Отдельного корпуса жандармов и Охранного отделения, права и обязанности его чинов, политический розыск и историю революционного движения, гражданское и уголовное право, технику ведения дознания и допросов, технику фотографирования и дактилоскопии. Поскольку офицеры оружием владели в достаточной степени, изучали восточные единоборства, первые в России, джиу-джитсу. В те годы этот вид борьбы был за рубежом на пике популярности.

Курс длился сто учебных часов и только потом жандармский офицер возвращался в губернское управление. Матвею повезло. Никуда ехать не надо на службу, город и его особенности знал. Только в Санкт-Петербурге было такое количество проходных дворов. И жил пока с родителями, своя квартира стоила немалых денег. А ещё матушкины завтраки и ужины чего стоили. Обедать приходилось где придётся, служба иногда даже времени пообедать не оставляла.

Его отец Павел, вышедший в отставку на рубеже веков, удивлялся – как быстро изменилась политическая ситуация. Император Николай II оказался более мягким, чем его родитель. Потому подпольные организации появлялись, как грибы после дождя. Только относительно крупных, со структурой в разных городах, было более двух десятков. На всех окраинах подняли голову националисты, желая не только свергнуть царя и государственный строй, но и отделиться от империи. В одной Армении было две партии – «Дашнакцутюн» и «Гичак», а ещё латышские лесные братья, польская социалистическая партия, всеобщий еврейский союз, финская партия активного сопротивления, другие. Правда, была ещё партия приверженцев монархии, называвшая себя «Чёрной сотней». Хватало и чисто российских, вроде РСДРП, при которой была боевая группа во главе с Л. Б. Красиным, поставлявшая нелегально оружие в империю, обучавшая боевиков. Была боевая организация эсеров во главе с Г. А. Гершуни. Но с мая 1903 года Охранное отделение смогло завербовать одного из её членов Е. Ф. Азефа, который за приличные деньги – более тысячи рублей в месяц, сливал жандармам всю информацию. Тем не менее эсеры смогли убить министров МВД Д. С. Сипягина и В. К. Плеве, харьковского губернатора И. М. Оболенского, уфимского Н. М. Богдановича и готовили покушение на государя Николая II.

После «Кровавого воскресенья» – 9 января 1905 года, когда священник Георгий Гапон вывел в центр города мирную демонстрацию рабочих, и она была расстреляна войсками, пошли массовые стачки и выступления по всей стране. События наслаивались на неудачи русско-японской войны. Николай II учредил Государственную Думу, а итогом народных выступлений стал Манифест от 17 октября 1905 года, даровавший гражданам свободы – слова, совести, собраний и союзов, неприкосновенность личности.

И был ещё один важный момент, толкавший к выступлениям, Российская империя была страной крестьянской, 77 % составляли селяне. Из-за быстрого роста населения в 1,5–2 раза уменьшились земельные наделы в губерниях. Если до восхождения на престол Николая II крестьяне были политически инертны, то с падением уровня жизни из-за уменьшающихся наделов стали активно участвовать в революционном движении. И целью их было не свержение самодержавия, а причины чисто экономические. Особенно активно привлекали в свою партию большевики, обещая крестьянам землю. Эсеры опирались в основном на разночинцев.

Манифест не принёс желаемого спокойствия. После его опубликования начались еврейские погромы. Только в Одессе погибли 400 евреев, в Ростове-на-Дону 150, Орше – 100, Екатеринославе – 67, Минске – 54.

За год, с февраля 1905 года по май 1906 года террористы разных партий и течений убили в стране 8 генерал-губернаторов, 5 вице-губернаторов, 21 полицмейстера, 346 городских, 257 городских стражников, нижних чинов жандармерии 55, жандармских офицеров – 8, 4 армейских генерала, 12 духовных лиц и 54 владельца фабрик. Двенадцатого августа 1906 года было совершено покушение на П. А. Столыпина, погибли тридцать человек, но сам он при взрыве уцелел.

Санкт-Петербургское Охранное отделение жандармерии возглавлял Александр Васильевич Герасимов. Отделение имело канцелярию, охранную команду из офицеров, филёрский отряд, укомплектованный нижними чинами и регистрационное бюро. До 1901 года III отделение располагалось на Гороховой улице дом 2, а с 21 декабря 1901 года на набережной реки Мойки, в доме № 12, в бывшей квартире А. С. Пушкина. По мере роста численности отделения оно заняло ещё одно помещение, на углу Мытнинской набережной и Александровского проспекта (ныне проспект Добролюбова).

Поскольку многие руководители революционного подполья предполагали жить за границей и управлять дистанционно, не рискуя, ибо правительства других стран иностранцев, не вмешивающихся в дела страны пребывания, не трогали, а зачастую относились к ним благосклонно и даже поддерживали, Охранное отделение организовало в Париже заграничное бюро агентуры. Заведовал им с 1905 года по 1909 год Гартнинг Аркадий Михайлович. И затраты на бюро вовсе не были лишними. В 1911 году в Европу выехал бывший чиновник Особого отдела Департамента полиции Леонид Меньщиков. Он вывез за границу копии многочисленных документов по сведениям о секретных сотрудниках, стал продавать их представителям революционных русских организаций, выдал несколько сотен фамилий. Департамент полиции и Охранное отделение понесли серьёзный ущерб, как репутационный, так и в добыче информации. С 1880 по 1917 год в полиции и Охранном отделении числились немногим более десяти тысяч секретных сотрудников, по-простому – стукачей, информаторов. Они не состояли в штатах полиции или Охранного отделения, сотрудничали тайно, получали деньги. Кто-то шёл на сотрудничество из-за денег, другие по соображениям идейным, поскольку были монархистами, но пользу империи приносили большую, ибо состояли в кружках и организациях, давали информацию изнутри. Ни одна специальная служба, что тогда, что сейчас, не может эффективно работать, не имея сети информаторов.

Матвей встретил события «Кровавого воскресенья», будучи на жандармских курсах. Был удивлён и шокирован. Как раз по Фурштатской проходили толпы народа, собираясь на демонстрацию. Потом к Невскому прошла пехота, проскакали казаки. Хотел выйти, узнать – что творится в городе? Однако Павел сына отговорил.

– Ты сейчас не на должности. Прилетит шальная пуля, что тогда?

– Папенька, да разве государь даст команду стрелять?

– Сам, может быть, не даст, а у министров ума не хватит миром решить.

Так и получилось. До пушек дело не дошло, хотя пушки выкатили. Но пехота из винтовок стреляла, а казаки рубили пиками. В результате 96 убитых и 333 раненых, из которых потом умерло в больницах 34 человека.

Матвей был благодарен отцу. Случись ему выйти с толпой на Дворцовую площадь или Невский проспект, он мог попасть под обстрел. Для Матвея урок – держаться от толпы подальше. Толпа неуправляема, стоит затесаться в гущу народа несколько заводилам, как толпа может громить и убивать, усмирять придётся силой. В «Кровавое воскресенье» толпа вела себя мирно, до погромов не дошло, а пострадавшие были.

Николаю II не везло с самого начала царствования. Короновался он по древней традиции, в Москве, в Успенском соборе Кремля. На Ходынском поле собралась огромная толпа, ждали раздачи бесплатного угощения от царя. Ввиду плохой организации произошла давка, погибли 1379 человек, несколько сотен получили увечья. Случилось это 14 мая 1896 года. Потом бесславная русско-японская война 1904–1905 годов, из которой Россия вышла с поражением, уступив Японии южную часть острова Сахалин, передав полуостров Квантунский с Порт-Артуром. Для поражения были объективные причины – недостроена Транссибирская магистраль, невозможно было быстро перебросить резервы, боеприпасы. Морской флот Японии качественно и количественно превосходил русский. Ну и ошибки военного командования были. Вместо маленькой победоносной войны Россия получила затяжную и кровавую. А следом воскресенье 9 января. И в народе император получил прозвище «Кровавый», авторитет монарха сильно упал. Да ещё и революционные партии, особенно РСДРП и эсеры в печати и на митингах делали упор на потерях, упущениях, умело обходя достижения. А они таки были. Николай II принял страну, которая имела 125 млн населения, из них 84 млн русских, а грамотных, умеющих читать и расписаться, всего 27 %. К началу Первой мировой войны грамотных было уже 78 %, то есть был достигнут уровень европейских стран. И рубль наш стал не только бумажным, но и золотым – 5 рублей, 10 и 7,5 с профилем Николая ценятся у коллекционеров и ювелиров до сих пор. И в эпоху правления Николая II эти монеты принимали в любом европейском банке, и рубль стоил дороже доллара, марки и франка. Сильные деньги бывают при мощной промышленности и перед Первой мировой войной экономика Российской империи была пятой в мире.

Первое задание Матвею, по его мнению, было простое. Утром по сводкам происшествий была телефонограмма, что в лечебницу Гааза поступила женщина с осколочным ранением кисти и тела. Такое ранение для женщин не характерно. У мужчин может взорваться самогонный аппарат, паяльная лампа, да много чего ещё. И по каждому такому ранению надо разбираться, потому как может оказаться криминальным. На утреннем совещании офицеров у полковника Герасимова выяснить все обстоятельства происшествия поручили Матвею. Был он поручением слегка обескуражен, даже обижен. Допросить раненую в больнице, что может быть проще? С таким настроением на трамвай и в путь. Хорошо, с собой взял портфель с бумагами и бланками. Одежда сугубо гражданская. Шляпа-котелок по моде тех лет, чесучовый пиджак, рубашка в клеточку крупную, брюки на подтяжках, лаковые штиблеты. Револьвер «Наган» во внутреннем кармане пиджака, рядом с жетоном жандарма. У больницы соскочил с трамвая на ходу. По жетону прошёл в хирургическое отделение, для начала с лечащим доктором поговорить решил.

– Добрый день, доктор. Я из...

Матвей показал жандармский жетон.

– Из больницы телефонировали, что у некой гражданки Беневской, поступившей к вам в отделение вечером прошедшего дня, имеются множественные осколочные ранения.

– Не так, – кивнул хирург. – Правая кисть и правая половина грудной клетки, осколков полтора десятка, да подозреваю – не все смогли достать, потому как стекло.

– Вы хотите сказать, что осколки от стеклянной посуды?

– Именно так.

Матвей даже успел расстроиться. Стоило тащиться в больницу, если у женщины рванула стеклянная бутылка в руках. Небось – брагу делала для мужа, не усмотрела. Но врач добавил:

– А ещё на правой половине тела платье было обожжено и запашок.

Матвей не понял.

– Запах чего?

– Да химикатов же! Осколки и ожог, взрыв был.

Ёлки-палки! Да хирург же ему прямым текстом говорил, что не бражка была! Не сразу дошла вся серьёзность. Матвей сразу бланк допроса свидетеля из портфеля выудил. Честь по чести заполнил, попросил доктора подписать.

– Мне бы хотелось побеседовать с пострадавшей.

– Пожалуйте за мной в палату. Ей пока по состоянию здоровья постельный режим положен. Но сразу предупреждаю – в палате двадцать коек и все заняты.

Матвей так и остановился. Как допрашивать в присутствии кучи любопытных? Да слухи по городу уже к вечеру поползут!

– Доктор, никак невозможно прилюдно допрашивать!

– Я так и думал, потому предупредил. Правда, можно её на каталку перегрузить и вывезти в процедурную.

– Был бы очень благодарен.

– Тогда подождите в коридоре.

Доктор позвал дюжих санитарок. Наверное, раньше в селе жили, мощные. Пожалуй, другим здесь не место, пациентов перекладывать надо, перестилая простыни на кровати или при процедурах, либо на каталку, как сейчас.

Целой вереницей по коридору двинулись. Впереди доктор, за ним две санитарки каталку катят с пострадавшей, за ними Матвей вышагивает. В процедурной остались одни, Матвей и раненая. Он представился полицейским.

– Расскажите, что произошло?

– Помню плохо. Взяла бутылку в руку, она взорвалась.

Было у Матвея чувство – не договаривает. Смотреть на Марию Аркадьевну с непривычки страшно. Как египетская мумия, вся в бинтах. Голова, рука, туловище. И кожа бледная, наверное, от кровопотери.

– А что в бутылке было?

– Не помню, я крови много потеряла, мне и сейчас плохо, меня тошнит, сильная слабость, болит голова.

Матвей решил допросить пострадавшую через день-два, как получше станет. Не изверг же он, раненую женщину мучить.

– Хорошо, давайте отложим до улучшения состояния.

Сам к доктору прошёл.

– Говорит – плохо ей, допрашивать невозможно.

– Объяснимо. Скорее всего, ушиб головы, потому как не помнит предшествующие события, да кровопотеря серьёзная была. Видели бы вы её при поступлении. Жуть! Живучие всё же женщины, как кошки. Предлагаю так. Как оклемается немного, я телефонирую в отделение. Кого спросить?

– Кулишникова Матвея Павловича. Честь имею!

В отделении доложил старшему группы, ротмистру Коновалову, о допросе врача и невозможности опросить пострадавшую ввиду кровопотери и тяжести состояния.

– Что взорвалось-то?

– Осколки стеклянные.

– Тьфу! Попозже допросишь, думаю – ничего серьёзного.

– Платье обгорело, вероятно – было пламя, пожар.

– Потом займёшься. А сейчас езжай к Финляндскому вокзалу, там народ собирается. Посмотри, послушай – о чём говорят, не собираются ли бузить?

А дальше день за днём обычная служба. На шестой день вспомнил о Бенеvской, которая находилась в больнице. Пока наблюдательное дело не закрыто, ибо нет рапорта от Матвея, и начальство обязательно спросит результаты. Не хотелось, но поехал. А хирург его огорошил:

– Так забрали её третьего дня. Приехал мужчина, представительный такой, представился её братом. А с ним ещё один. Можно сказать, на руках до пролётки донесли. Раненой-то лучше стало, однако на перевязки ездить надо как минимум через день.

– Если третьего дня забрали, то сегодня должны на перевязку привезти?

– Не было, хотя...

Доктор вытянул за цепочку карманные часы, добротные «Буре и сын», откинул крышечку, заиграла мелодия.

– Время для перевязок уже позднее. Наверное – не появится.

В душе шевельнулось нехорошее предчувствие. На допросе доктора он сам видел «скорбный лист», как называлась история болезни, переписал себе установочные данные – фамилию, адрес. Поблагодарив доктора, вышел на улицу, остановил пролётку, отправился по адресу пострадавшей. И здесь его тоже ждал сюрприз. Постучал в двери съёмной квартиры, ибо дом доходный. А вышла соседка.

– Нет их никого, съехали. И слава богу, провоняли весь подъезд какой-то химией. Что уж они там делают? Неуж алхимики какие?

Матвей удивился показаниям соседки. Подозрительно, что пахло химией, и никто не сообщил в полицию. Времена алхимиков прошли давно. Похоже – в квартире занимались экспериментами со взрывчатыми веществами и соседке повезло, что взрыв получился слабым. Могло не только квартиру разрушить, но и дом, если бы количество ингредиентов было побольше. Матвей пришёл домой, поужинал, отец заметил, что он не в настроении.

– Давай-ка побеседуем. Что кручинишься?

– Женщина в больницу поступила четыре дня назад, ранена осколками стекла, платье с прожогами.

– У самого какие мысли?

– Боюсь, экспериментировала со взрывчаткой.

– В правильном направлении мыслишь. Переведи её в тюремную больницу или приставь к палате полицейский пост, чтобы не сбежала.

– Уже.

– Что уже?

– Пришёл я сегодня в больницу, а доктор сказал – забрали её, со слов – брат. Обещали на перевязки привозить. Сегодня срок был, но на перевязку не привезли.

– Упустил!

Павел задумался.

– У доктора спрашивал, с чем перевязки? Я имею в виду, на раны какие-то мази прикладывать, пилюли или порошки пить надо?

– Не сообразил.

– С утра и не медля. Потом по аптекам. Если на перевязки не привозили, стало быть, на дому делают. А кто? Кого-то из медиков подкупили, на дом приходят. С врачами в больницах поговорить надо.

– Да в столице сколько больниц?

– Десятка три. Думаю за три дня и управишься, если повезёт. В расследовании везёт не всегда, по крупницам улики собирать надо. А главное – думать всё время. Вот сказал тебе доктор вчера о перевязках, ты бы поинтересовался – как, да чем? И завтра бы уже визита в больницу не было.

– Виноват, не догадался.

– Не винись, не перед начальством. Любое своё действие анализируй, делай выводы. Не зря поговорка родилась – дурная голова ногам покоя не даёт. Ты уж не обижайся, народ придумал, не я. И ещё. Попомни моё слово, женщина эта лишь пешка. Должна быть группа. Одиночки бомбы делают редко. Посмотри по сводкам, были ли покушения в течение года с приме-

нением динамита, есть ли задержанные? Если есть, допроси, собери информацию по крохам. Где взрывчатку брал, кого из бунтарей знает?

– Да у них же ни постоянного места жительства, ни фамилий. У многих подпольные клички.

– А всё равно – какова внешность, где встречались, к какому течению принадлежит?

– Мне до отставки по выслуге лет это всё собирать придётся!

– Это поперва так кажется. Пооботрёшься, привыкнешь. Не боги горшки обжигают. И я так начинал.

Для начала Матвей открыл адресную книгу. Любой желающий мог подать в городскую управу сведения о себе – адрес, род занятий, номер телефона, если он был. Выбрал адреса аптек. А с утра в больницу к хирургу.

– Доброе утро, доктор! Беневская на перевязку не приходила?

– Никак нет. Уж думаю – не случилось ли чего худшего?

– О! Думаю – вас известили бы. Подскажите, пожалуйста, перевязки с какими-то мазями?

– Молодой человек! Мази обязательны! Попробуйте отодрать бинт, присохший к ране.

Это же мучительно больно и рана снова начнёт кровить.

– Простите, не знал. А какую мазь вы рекомендовали?

– Дегтярную.

– Она же вонючая, ею мужики сапоги мажут, чтобы не промокали.

– Лечебная значительно слабее.

– Может быть, какую-то аптеку рекомендовали?

– Это на усмотрение болящего. Обычно пользуются той, что ближе к дому или, если уже лекарства редкие, в солидную аптеку, вроде заведения доктора Пеля, она напротив Андреевских торговых рядов, что на Васильевском острове.

– Спасибо. А кто может в частном порядке делать перевязки?

– Любой медик. В столице чаще обращаются в больницу Святой Марии Магдалины.

– У Тучкова моста?

– Верно.

Матвей откланялся и прямым ходом на Васильевский остров, в аптеку. Дом солидный, красного кирпича. На первом этаже аптека, выше – лечебница. В аптеке обстановка дорогая, мебель чёрного дерева, пол мозаичный. Матвею повезло, за прилавком сам профессор – лысый, с пышными усами.

– Что господину угодно? – осведомился владелец аптеки и лечебницы.

Матвей, поздоровавшись, показал жетон.

– Не подскажите, последние пять дней кто-нибудь берёт у вас бинты и дегтярную мазь?

– Есть такие, двое. Готовим по заказу.

– И фамилии и адреса есть?

– Как положено, мы же не знахари какие-нибудь.

Пель открыл толстую книгу.

– Вот, пожалуйста. Сергеева Мария Ивановна и Конопляникова Зинаида Васильевна. Адреса нужны?

– Простите за беспокойство, нет.

Матвей был разочарован. А ведь стоял совсем рядом с разгадкой. Конопляникова была соратницей Беневской, обе были в подпольной боевой организации эсеров техниками в динамитной мастерской. В дальнейшем Зинаида Васильевна участвовала в убийстве генерала Георгия Мина, была повешена по приговору суда 29 августа 1906 года в Шлиссельбургской крепости.

Постоял Матвей на крыльце аптеки. Больница сестёр милосердия, как ещё называли лечебницу Святой Магдалины, располагалась на Васильевском острове, на первой линии. И,

если уж искать по больницам медика, делающего перевязки, то начинать надо с неё. И тут повезло. Старшая сестра в накрахмаленном чепчике подвела его к группе медсестёр.

– Дамы, кто делает перевязки на дому... Э...

– Бенеvской, – пришёл на помощь Матвей.

– А как её звать и адрес?

– Мария Аркадьевна.

– Тогда я, – выступила вперёд сестра милосердия лет сорока.

– Вера Павловна, поговори с господином тет-а-тет.

– Слушаюсь.

И книксен. Однако выучка. Отошли в сторонку. Матвей сразу представился.

– Я из полиции. Разыскиваю раненную в правую руку и правую половину тела.

Матвей не стал говорить, что он из жандармерии.

– У пациентки именно такие раны. Кровопотеря, пока слаба, но раны заживают хорошо.

Молодость, в её годы всё заживает быстро.

Матвей припомнил год рождения – 1882. Совсем девушка, двадцать три года. Когда он видел её в больнице, возраст определить было невозможно, на голове и лице бинты, как и на руке. А тело было прикрыто простынёй.

– Адрес не скажете?

– Конечно. Здесь же, на Ваське, девятая линия, дом двадцать пять. Двенадцатая квартира.

Доходный дом в пять этажей.

– Спасибо большое, вы меня выручили. Но о нашем разговоре никому.

– Я поняла.

Коренные жители Петербурга Васильевский остров зачастую для краткости называли Васькой. Сразу мысли замелькали. Арестовать? А какая вина? Установить наружное наблюдение, подключить филёров? Дело серьёзное, распоряжается ими начальник Охранного отделения. А какие у Матвея основания просить в помощь «топтунов»? Вот и выходит – самому надо. Не знал в тот момент Матвей, что случайно вышел на боевую организацию эсеров. Подчинялась боевая организация партии, но действовала автономно. И Бенеvская была одним из членов организации, вторым техником в динамитной мастерской, имела псевдоним «Генриетта». То есть Матвей вплотную, сам того не зная, подобрался к осиному гнезду, засекреченной боевой организации. Риск очень велик, можно и жизнь потерять. Боевики ставили задачи – уничтожить священника Гапона, генерала Мина, генерал-губернатора Дубасова и даже царя Николая II. Список был велик, и многое совершить боевикам удалось. Да, пожалуй, и всё свершилось, кабы не жандармы и полиция. У террористов разных партий к 1905 году уже опыт появился, конспирировались, брали псевдонимы, завозили оружие из-за границы через Польшу и Финляндию. Но динамит делали сами, не было его в свободной продаже. Капризен динамит в изготовлении, потому периодически взрывы гремят. Да ладно бы, если только сами боевики при несчастных случаях гибли. Квартиры, где обустраивали динамитные мастерские, в доходных домах снимали. Случись взрыв помощнее, и будут невинные жертвы. И такие происшествия случались. Однако террористы любых партий, на словах радеющие о народном благоденствии, на самом деле народ не жалели. При терактах бомбы бросали прямо в толпу. Чем больше народу погибнет, тем больше разговоров, статей в газетах, известность в узких кругах таких же отморожков. Например, при покушении на Дубасова в Москве от взрыва бомбы, брошенной боевиком-эсером Мищенко погибло, и было ранено тридцать человек, но сам Дубасов был легко ранен. Жизнь генерал-губернатора спасла коляска, крепкого дерева оказалась. Зато среди эсеров авторитет Мищенко вырос значительно. Как же, герой! Борец за права народа.

Что было плохо в столице для филёров, да любых наблюдателей, так это отсутствие на улицах зелёных насаждений. Ни деревьев, ни кустарников. Дома из камня или кирпича, булыжная мостовая и такие же тротуары. Правда, на окраинах тротуары могли быть из деревянных

плашек. А ещё, в отличие от Москвы и других городов, дома стоят вплотную друг к другу. Где заканчивается один дом, начинается другой, проходов-проездов, в которых можно укрыться – нет. Заехать во двор можно через арку. Дворы-колодцы, через которые можно пройти с одной улицы на другую. Арок могло быть несколько и дворы неправильной формы, заблудиться – пара пустяков. Зато знающий человек по проходным дворам, да через подъезды с двумя входами, к искомой цели быстро выйдет. Для «топтунов» такие знания – качества ценные. На курсах жандармских основы наружного наблюдения давали.

Потому Матвей после некоторых колебаний решил несколько дней понаблюдать сам.

Сначала зашёл в подъезд дома. Чёрный ход есть, но заперт на замок, что для наблюдения плюс, поднялся на этажи. Двенадцатая квартира на втором этаже и окна выходят во двор. С лестничной площадки двор осмотрел. Пожалуй, лучшее место для наблюдения – это полуподвал, через узкие окна двор как на ладони. Вышел, прошёл к полуподвалу, это уже другой дом, двадцать третий. В одной из комнат оказалась дворницкая. Мётлы хранились, лопаты для уборки снега, скребки, ломы, вёдра. С дворником договорился, показав жетон, что по служебной надобности находиться будет, и получил второй ключ. Наблюдать неудобно, окно высоко, требуемый подъезд виден, когда стоишь. Зато к себе внимание не привлекаешь, со стороны не видно. За день почти всех жильцов в лицо увидел, запомнил.

Дети и подростки, а также люди пожилые его не интересовали. В боевых организациях состоят люди, как правило, от двадцати до пятидесяти, активные. Около четырёх часов попозднее прошла в подъезд уже знакомая сестра милосердия из лечебницы Святой Марии Магдалины. Матвей время засёк. Долго сестра отсутствовала, почти час, без пяти минут. Ох, не проболталась бы, что к раненой интерес проявляют.

Сестра вышла из подъезда, и тут же её остановил мужчина. Постояли, поговорили, причём разговор явно деловой, лица серьёзные. Матвей заподозрил, что мужчина член организации эсеров, и не ошибся. Перед ним был Загородний Яков Григорьевич, один из организаторов динамитной мастерской. На нём лежала обязанность закупать и доставлять ингредиенты взрывчатки. В боевой организации определены обязанности каждого члена. Одни отслеживают предполагаемую жертву, другие делают динамит, третьи добывают оружие – у убитых полицейских, закупают за границей.

У Матвея, как и у отца, память на лица отличная. Если увидел раз, то долго не забудет. На следующий день занял наблюдательный пункт с утра. В четверть десятого на извозчике подъехал вчерашний мужчина, выгрузил из пролётки ящик решётчатый с бутылками характерного вида, в таких продаются кислоты – азотная, серная, соляная и прочие. Матвей сразу насторожился, как охотничья собака делает стойку, учуяв дичь. Обычному человеку для бытовых надобностей столько химикатов не надо. Скажем, для промывки канализации нужна уксусная кислота, да и той стакана хватит, ибо разводить надо. Мужчина ящик с бутылками сразу унёс и вернулся из подъезда через пять минут, сел в пролётку и уехал, чтобы вернуться через час. Из пролётки выгрузил два мешка, причём явно лёгких, потому как держал без напряжения. На этот раз пролётка уехала сразу.

Матвей стал гадать, что может быть в мешках? Одежда? Два мешка – слишком много, да и обращался с ними мужчина небрежно. Что может быть недорогого и лёгкого? Почему-то на память пришла вата. Отогнал мысль. Зачем столько ваты террористам? Если для раненой, так два мешка на целую лечебницу хватит. Больше ничего интересного за день не произошло. Вечером поужинал дома. Весь день голодным сидел, а мама на стол выставила вареники с творогом. Со сметаной – просто объедение! А после с папой обсуждал, как прошёл день. Упомянул про бутылки, отец сразу насторожился.

– Знаешь, что в них?

– Предполагаю – кислоты, необходимые для производства взрывчатки.

– Правильно мыслишь, сын.

– Одно поставило меня в тупик. Мужчина, входящий в квартиру, где раненая, два мешка с чем-то привёз, лёгкие.

– Погоди, не торопись. Мягкие?

– Я разве не сказал? Мягкие, под пальцами мнутся. На вату похоже! Зачем?

– Пироксилин делать! Мастерская по изготовлению взрывчатки в квартире.

При растворении целлюлозы в нитроглицерине получается «гремучий студень», гелеобразная масса. Использовалась террористами давно. Но такой студень капризен и слабее динамита. В 1863 году изобрели тротил, а в 1897 году гексоген, не обладающий недостатками динамита. Это взрывчатое вещество недостатков имеет много. При длительном хранении из него выпотевают нитроглицерин и стоит коснуться этого выпота, как следует взрыв. Динамит взрывается при попадании пули или осколка, очень не стоек на морозе.

Технологии взрывчатых веществ инженеры или изобретатели особо не скрывали. Поэтому террористы стали осваивать, кроме динамита, другие виды взрывчатки, в частности пироксилин, получаемый при обработке хлопка, той же ваты азотной кислотой.

Тонкостей технологии, особенностей – не знали, потому следовали взрывы. После обработки хлопка кислотой должно следовать обезвоживание спиртом. Недосушили – взрыва не будет. Именно переувлажнение взрывчатки в снарядах привело к тому, что снаряды русской эскадры при попадании в японские корабли не взрывались. А японские, начинённые шимозой, срабатывали.

А при пересушивании пироксилина он мог взорваться самопроизвольно при сотрясениях. Именно это приводило к самоподрывам техников динамитных мастерских. Хотя правильнее было называть их мастерскими по производству взрывчатых веществ, бомб.

– Папенька, вы не ошибаетесь? – засомневался Матвей.

Отца называл на «вы», как было принято в семьях образованных или у староверов, в знак уважения.

– Пиши докладную и с утра к начальнику отделения. Надо ордер на обыск и арест.

– Вдруг ошибка?

– Пожурят. А если меры не предпримешь, и террористы будут продолжать убивать? Надолго останешься прапорщиком.

Прапорщик по современной градации равен армейскому лейтенанту. Для нижних чинов, дослужившихся до фельдфебелей и подающих надежды, есть первое офицерское звание – подпрапорщик, равное младшему лейтенанту. Так и его присваивали после краткосрочных курсов.

Конечно, даже соверши Матвей подвиг, никто ему следующее звание не присвоит, не выходил срок для штабс-капитана. Но каждый кадровый офицер мечтает о карьере.

Послушал Матвей отца, он плохого не посоветует. Да и на службе жандармской собаку съел.

Написал рапорт, перечитал, начал вносить правки. Пришлось переписывать снова. Зато аргументированно. Утром к начальству. Господин полковник прочёл, пыхнул папиросой, перечитал рапорт ещё раз.

– Да, очень похоже, что в квартире динамитная мастерская. Назначаю вас старшим группы. В подчинение поступают три нижних чина и пролётка с ездовым. Приступить немедленно!

– Есть!

Ехали на адрес с удобствами, на пролётке. Четверть часа и на Васильевском острове. Один жандарм у парадного остался. Квартира на втором этаже, преступники могут выпрыгнуть из окон, для того караульный. Только по неопытности Матвей ошибку допустил. У подъезда пролётка и жандарм. Вывернет из-под арки террорист, сразу сообразит о визите жандармов, развернётся и уйдёт, предупредит сообщников. Лучше было накинуть на жандарма плащ, да усадить в пролётку. Мало ли, человек поджидает даму сердца?

На стук в дверь долго не открывали. Матвей знал, что в квартире минимум двое.

– Открывайте добровольно, иначе выломаем дверь! – пригрозил он.

Щёлкнул замок, приоткрылась дверь, показалась женщина. Жандарм Скобелев тут же нажал плечом, распахнув дверь силой.

– Отдельный корпус жандармов имеет основания подозревать в преступном злоумышлении обитателей квартиры! – заявил Матвей.

В доказательство жандармский жетон женщине под нос сунул. Та растерялась.

– Дозвольте, барышня!

Скобелев отодвинул женщину плечом.

Квартира оказалась большой, в три комнаты, огромная кухня, просторный коридор. В одной из комнат устроен склад – бутылки, мешки, ящики. В другой комнате, поменьше, явно лаборатория или мастерская. Разные ёмкости с неприятным, резким химическим запахом, трубки, реторты. Третья комната жилая, на две кровати. На одной из них знакомая Матвею Беневицкая. В бинтах, но уже не такая бледная.

– Доброго здоровьичка, Мария Аркадьевна, – поприветствовал её Матвей. – Что же вы так внезапно больницу покинули, даже не долечившись?

– Больничная обстановка уж больно тягостна, а пищу просто есть невозможно.

– Ай-яй-яй! А теперь и к тюремной баланде придётся привыкать! – улыбнулся Матвей. – Для начала в тюремную больницу переехать придётся, а дальше – как суд решит.

– Суд? А за что, извольте спросить? – делано удивилась Беневицкая.

– Ужели не знаете? А химикаты у вас для чего, да ещё в больших объёмах? Завивки дамам делать? Или бомбы мастерить? Собирайтесь!

– Требую адвоката!

– Немедленно будет, но уже в тюрьме.

Один из жандармов помог собрать в сумку бинты, мазь для раненой. Оба жандарма после того, как Беневицкая с помощью сообщницы оделась, на руках вынесли её к пролётке. Вывели и вторую задержанную. Матвей устроился в пролётке тоже.

– Сначала в женскую тюремную больницу, – распорядился Матвей, – потом во внутреннюю тюрьму на Фурштатской.

Извозчик штатный, прекрасно знал расположение тюрем, больниц для заключённых, следственных изоляторов. Матвей сначала сдал раненую в больницу, под расписку, потом вторую – Конопляникову, в тюрьму Отдельного корпуса жандармов.

И снова на Васильевский остров. Надо вывезти химикаты и устроить засаду. Должен же кто-то из боевиков наведаться, забрать готовые бомбы.

До квартиры террористов не доехал, повернул к казармам Преображенского гвардейского полка. В полку есть сапёрная команда, пусть осмотрят готовые изделия и заготовленное сырьё. Жандармы не специалисты, вдруг что-то сделают не так, и последует взрыв? Ещё в движении мелькнула мысль – надо бы предложить начальству организовать при Охранном отделении свою сапёрную команду, небольшую, из трёх-четырёх человек, ибо объём работы невелик, да и обнаруживаются динамитные лаборатории не каждый день. Но, судя по сводкам, в месяц один-два взрыва случаются. Партий революционного толка развелось много и каждая хочет громко о себе заявить.

Командир полка к просьбе жандарма отнёсся благосклонно, выделил фельдфебеля.

– Воин опытный, разберётся.

Пока ехали, Матвей объяснил суть дела.

– Прямо в квартире доходного дома изготавливают? – удивился служака. – Опасно, могут дом развалить.

– Могут. Им бы рассказать. Чужие жизни ни в грош не ставят. Впрочем, свои тоже.

Повернули в арку дома и почти сразу загрели выстрелы. Бах-бах! Три выстрела подряд. И Матвей, и сапёр сразу из пролётки выпрыгнули. У сапёра оружия нет, не на войну ехал. А

Матвей выхватил из кобуры «наган», новенький ещё. Револьверы эти бельгийского конструктора Нагана, начали производить на Тульском императорском оружейном заводе с 1895 года. По сравнению со «смит-вессоном» шаг вперёд. «Наган» меньше по размерам, что плюс для скрытого ношения, легче, патроны с бездымным порохом, который не заволакивает дымом цель после выстрела. И не шесть патронов в барабане, а семь.

Стрелял мужчина в гражданской одежде лет сорока. Он прятался в углублении двери подъезда. Увидев сапёра в форме, принялся палить по нему, ведь у парадной ещё стоял жандарм в униформе. Врага, если он палит по тебе, надо уничтожать. Матвей ещё в училище стрелял отлично, даже призы брал на соревнованиях. Сейчас руку с револьвером положил на крыло колеса для устойчивости, взвёл курок, прицелился, нажал спуск. Стрелок схватился за грудь, выронил своё оружие и упал. Матвей бросился к нему, следом за ним жандарм. Но мужчина явно жил последние минуты. Пиджак в крови, из угла рта тоже кровь течёт, дыхание тяжёлое, прерывистое. Вздохнул несколько раз и отдал Богу душу. Матвей поднял оружие убитого. «Браунинг» патроном 7,65 мм бельгийского производства. Сунул его в карман. Распорядился жандарму:

– Телефонируй в отделение, пусть вызывают подводу для убитого.

А сапёра сам проводил в квартиру.

– Пожалуйста, потщательней. Нам надо вывезти опасный груз и желательно самим не взорваться.

– Всё сделаю в лучшем виде!

Похоже – сапёр был в шоке от перестрелки во дворе. Не война, а жертва есть. И взрывчатка в квартире имеется, он уже учуял носом характерный запах. И чего людям неймётся спокойно жить? Хочется пострелять-повзрывать, езжайте добровольцами на войну с Японией. Впечатлений получите массу и петушинный задор уйдёт.

Пока сапёр осматривал химикаты и готовые бомбы, снаряжённые в обрезки труб, Матвей написал на столе в кухне сопроводительные документы на труп для судебной экспертизы, а следом рапорт для начальства о применении оружия. Не нравилась начальству стрельба в городе, для горожан беспокойство.

После бумаг вышел к убитому, обыскал. Кроме бумажника с деньгами, ничего. Главное – документы. Кто таков, где живёт? А в карманах даже визитной карточки нет. В сопроводительной бумаге так и написал – «неизвестный».

Сапёр взрывоопасные предметы осмотрел, составил опись. Жандармы погрузили всё на пролётку, и сапёр увёз на полковой полигон для уничтожения. И труп увезли.

Пока докладывал начальству о происшествии, вечер настал. А утром неприятное известие – из следственной тюрьмы выпустили Конопляникову. Видимо, ещё на квартире женщины сговорились. Всю вину на себя взяла Беневская. А Конопляникова утверждала, что была нанята сиделкой для раненой, Беневской, и ничего о производстве взрывчатых веществ не знала. Следователь знал, что лжёт эсерка, и она знала, что он понимает. А улики для суда нет. Отпустили под негласный пригляд полиции. Задержание впрямь не пошло. Зинаида Васильевна ухитрилась участвовать в теракте – убийстве генерала Георгия Мина, была схвачена и повешена по приговору суда 29 августа 1906 года в Шлиссельбургской крепости.

Беневская после выздоровления пошла под суд, была приговорена осенью 1906 года к шестнадцати годам каторжных работ. Всю молодость провела на каторге и вышла, по годам ещё женщиной не старой, но внешне постаревшей на четверть века. Родные её признали с трудом.

По боевой организации эсеров ликвидация динамитной мастерской нанесла удар, однако – не катастрофический. Снять квартиру в другом районе не долго, а новый техник-химик из Москвы прибыл уже через месяц.

Зато Матвей за первое самостоятельное, успешно раскрытое дело получил премию в сто рублей и заработал авторитет у сослуживцев. Отец порадовался успеху сына. Трудную и опас-

ную службу выбрал Матвей. Но Павел был доволен. Мужчина, где бы он ни служил – в армии, в гвардии, в полиции, в жандармерии, должен защищать свою страну и режим, ведь он приносил присягу на верность. Как говорилось: «Сердце женщине, жизнь царю, а честь – никому!».

Глава 2

Уязвимости

Боевика можно арестовать только с поличным, на горячем. Скажем – бросил бомбу или стрелял в политическую жертву, ударил её ножом или кастетом. Без действия в присутствии свидетелей он обычный гражданин и суд его оправдает. Поэтому к сбору доказательств в жандармерии подходили тщательно, скрупулёзно.

А ещё отец Матвея поучал.

– Ищи слабые места. Они есть и у человека, скажем – выпить любит без меры или падок на деньги или женщин. Такого подловить можно на уязвимости, на слабом месте. У любой организации подпольной такие слабые места есть. Их ищи, по ним бей! Вот взять динамитную лабораторию, которую ты раскрыл. Прихлопнул и замечательно! Но снять квартиру в другом районе, найти химика для изготовления бомбы недолго. И через месяц-два-три такая мастерская снова заработает.

– Что же ты предлагаешь?

– Ищи источники финансирования и пути передачи денег. Террористы живые люди, им надо кушать, где-то спать, покупать туфли или вещи взамен изношенных. Деньги нужны. Большинство революционеров не работают. На что живут? К тому же покупка химикатов, оружия тоже требуют денег, и немалых. Нащупаешь источник денег, прихлопнешь, если получится, значит или ликвидируешь группу, или вгонишь в спячку. Когда им кушать будет нечего, будут думать, где копеечку раздобыть, работать пойдут. Глядишь – дурь из головы выветрится. Обрати внимание – никто из них не работает, а выглядят лучше тебя. Упитанные, в хороших костюмах, курят дорогой табак. А руководство разных партий и течений зачастую за границей проживает, не особенно нуждаясь и снимая дорогие квартиры в престижных районах. Боюсь, твоего жалованья на такое жильё и еду не хватит.

– Как-то не думалось об этом, – повинился Матвей.

– На место каждого тобой ликвидированного придут двое, как гидра. Зри в корень и ищи. Да, есть у них меценаты из наших, русских, вроде Саввы Мамонтова. Но, полагаю, наши партии не брезгают брать деньги у иностранцев. Ты думаешь, они друзья России? Спят и видят, чтобы развалить империю и отхватить кусок, да пожирнее.

– Япония?

– И она тоже. Но первый враг Великобритании. Их уши везде торчат. А ещё Германия и американские штаты. Всем земля наша приглянулась, богатая – лесом, пенькой, золотом, рыбой, пушниной.

Долго разговаривали. Павел высказывал свои мысли, выстраданные многими годами службы. Для Матвея – откровение. То, что враги у России есть, он знал ещё с военного училища. Взять ту же Турцию, с которой Россия воевала не раз. Почему-то папенька её не упомянул. Или Австро-Венгрия.

Каждая партия решала финансовые вопросы по-разному. Взять, для примера, РСДРП – российскую социал-демократическую рабочую партию, из которой выросла ВКП(б). Раскол партии произошёл на втором съезде 6 июля 1903 года. Ленин (В. Ульянов) был за гегемонию пролетариата и революцию, делегатов, поддерживающих его позицию, было большинство. Меньшая часть во главе с Ю. О. Мартовым (отсюда – меньшевики) ориентировалась на либеральную буржуазию, на переход власти от царя к парламентской республике через выборы. Меньшевики опасались не зря. «Авангард» рабочего класса, совершив октябрьский переворот, превратился в жестокую касту, которая развязала невиданный государственный террор. И уже

14 июня 1918 года ВЦИК постановил исключить меньшевиков из всех Советов – районного уровня, городского, губернского, всей страны. Союзники были большевикам уже не нужны.

Финансы на содержание партии поступали несколькими путями. Взносы членов партии в партийную кассу не покрывали даже 10 % потребностей. Ещё часть давали пожертвования людей богатых. Да что там, их зачастую пугали, вынуждая делать «добровольные» взносы. В письме из Кракова от 04.03.1914 года в СПб отделение партии Ленин спрашивает у Е. Ф. Размирович: «Был ли обход богачей для сбора денег?»

Тот же Савва Морозов отдал 60 тысяч рублей, сумму по тем временам огромную.

Ещё часть денег давали зарубежные социал-демократы, но мало. Более обильные взносы давали западные спецслужбы, завуалированные под разные организации.

Но самые серьёзные деньги в партию шли от экспроприаций, партийцы их сокращённо называли эксы. Меньшевики были категорически против. Но Ульянов (Ленин) в 1906 году в газете «Пролетарий» от 30 сентября писал:

«Мы ставим две цели. Убийство представителей структур империи и расшатывание её основ, и конфискацию всех денежных средств не только у государства, но и у частных лиц».

Ленин прямо называл экспроприированные суммы, добытые ячейками партии – на Кавказе 200 тысяч рублей, в Москве 875 тысяч. Большевики создали большевистский центр, куда вошли руководители Ленин, Богданов и Красин.

Л. Б. Красин был казначеем и снабженцем партии. В марте 1907 года он выехал в Германию, на награбленные боевиками деньги были приобретены станки для печати фальшивых купюр и специальная бумага. Планировалось открыть подпольную типографию и выпускать поддельные деньги, тем самым подрывая финансовую мощь империи. Информатор Житомирский из ближайшего окружения Красина доложил о нём в Берлинскую полицию, которая конфисковала бумагу и выслала Красина из страны.

Красин, как ближайший сподвижник Ульянова (Ленина) организовал в империи не одну сотню экспроприаций. Его боевики взрывали, стреляли, большого количества жертв не боялись. Причём страдали не чиновники, а простой люд, случайно оказавшийся рядом. Большая кровь большевиков никогда не пугала. Впрочем, по этому же пути шли эсеры-максималисты, польская социалистическая партия, армянский «Дашнакцутюн», грузинские социал-федералисты, финны.

Например, после убийства великого князя Сергея Александровича в Москве группой Б. Савинкова четвёртого февраля 1905 года (бомбу бросал Иван Каляев, был сам ранен, схвачен, судим и повешен девятого мая 1905 г.) через члена партии активного сопротивления Финляндии Конни Цилинчкус на счёт партии эсеров поступил миллион франков, пришедших от американских миллионеров.

Первая крупная экспроприация в столице произошла 14 октября 1906 года. Были и до этого эксы, но мелкие. Нападали на почтовые отделения, чиновников. Полиция рассматривала эти нападения как действия уголовников, тем более добыча нападавших была невелика – 200, 300 рублей. А 14 октября нападение громкое во всех смыслах, ставшее известным всей стране, попавшее на страницы газет. Двое артельщиков под охраной вооружённого стражника перевозили деньги из портовой таможни Петербурга в казначейство. Дело привычное, деньги возили регулярно, один-два раза в неделю. Деньги находились в двух мешках на полу пролётки. Сумма изрядная, немногим больше шестисот тысяч рублей. Так в иные дни и больше возили. Ехали привычным маршрутом, что было ошибкой.

Грабители из большевиков пролётку выследили, выбрали самое удобное место для нападения. Были бы грабители обычными уголовниками, ограбление не удалось. Оружие было у стражника, обоих артельщиков и ездового. Люди крепкие, готовые постоять за себя и уберечь денежный сбор. Но никто из них не ожидал, что стоявший на тротуаре разночинец вдруг повернётся и бросит бомбу в пролётку. Взрыв! Часы убитого артельщика остановились на чет-

верти двенадцатого. Место людное, угол Екатерининского канала и Фонарного переулка. Дым, крики, раненая лошадь бьётся в упряжи. Извозчик ранен, стражник оглушён, но пытается вытащить трясущейся рукой револьвер из кобуры. Уцелевший артельщик в шоке, в прострации, не предпринимает ничего. К пролётке подбегают трое парней, судя по одежде – из рабочих. Для пущего эффекта стреляют в воздух из «браунингов». Прохожие в испуге разбегаются. А налётчики хватают мешки с деньгами и убегают. Двое держат по тяжёлому мешку с деньгами, третий замыкает группу. Ещё минута и все скрываются в арке проходного двора. Полиция прибыла быстро, однако примет грабителей назвать никто не смог. Расследование шло долго, грабителей найти по горячим следам не удалось. Ранее взрывчатку не применяли для ограблений, и явно было – дело рук террористов, а не уголовников.

Немногим ранее в Москве эсеры-максималисты ограбили Московский банк торгового кредита, захватив 875 тысяч рублей. Часть захваченных денег эсеры передали Л. Красину как плату за предоставленное оружие. Используя оружие, эта же группа, вдохновлённая легко доставшейся добычей, в октябре 1906 года ограбила в Петербурге банк взаимного кредита, со стрельбой, ранив стражника. Но добыча стоила пролитой крови – грабители унесли из кассы более миллиона рублей. Расследовать сразу взялись полиция и жандармерия. В Охранном отделении старшим группы ротмистр Коновалов, а ещё Матвей и прапорщик Самойлов.

Сначала внимательно, скрупулёзно изучили следственные дела в полиции и жандармерии по всем случаям известных грабежей с применением оружия и взрывчатки, причём когда исполнителей было несколько. Составляли описание преступников по показаниям свидетелей, используемое оружие, какие-то характерные детали одежды, используемых методов.

И пока ухватиться было не за что. Разное оружие, другие люди. Судя по всему – разные группы боевиков, не исключено – разных партий. Начальство спрашивало о результатах каждый день, пока ответить было нечего, подозреваемых не было. И только через две недели появилась надежда. Один из информаторов, давно сотрудничавший с жандармерией, доложил, что знакомый расспрашивал о перевозке почтовых отправок почтовыми каретами. Информатор сам служил на почте и правила знал, кое-что знакомцу рассказал, чтобы тот ничего не заподозрил, но сведения не секретные. Каждый мог видеть, как по утрам со двора почтамта разъезжаются крытые возки. Внутри стражник, на облучке кучер, оба при оружии. Группа жандармов сразу насторожилась. Похоже – интерес проявляют специфический, как бы не теракт готовился.

Стукача расспросили, где живёт знакомый, кто таков? В полиции порочащих сведений о знакомом, оказавшимся подсобным рабочим в купеческой лавке Смольянинова, не имелось. За Медведевым установили наблюдение. Сначала за ним ходили «топтуны» из филёрского отделения. Что занятно, Медведев в лавке появлялся редко, а чаще бывал по двум адресам, где проживали разночинцы. А через несколько дней Медведев начал следить за почтовыми каретами. Делал это неумело. Нанимал извозчиков и ехал на пролётке за почтовой каретой. И не замечал, что за ним следуют филёры. Видимо, Медведев выбирал почтовое отделение, пригодное для экспроприации. От полицейских участков далеко, помощь придёт не скоро и нападавшие успеют скрыться.

Почтамт располагался на Почтамтской улице, во дворе – каретные ряды. Ранее он именовался почтовым станом, в 1789 г. переименован в Главное почтовое управление. Почтовыми отделениями заведовали почтмейстеры, но с появлением телеграфа их стали именовать начальниками почтово-телеграфных контор. До всплеска революционной активности нападения на почтовые отделения были большой редкостью, ибо уголовники предпочитали грабить или обворовывать граждан. Их на испуг взять легче, у большинства нет оружия. А в почтово-телеграфных конторах у персонала оружие, зачастую стражники, набравшиеся из отставных полицейских или солдат. Люди к оружию привыкшие, ещё крепкие. Уголовники

обходили их стороной. Другое дело революционеры. Политические всегда действовали группой, не раздумывая, применяли оружие, а то и вовсе взрывчатку.

Уголовники в большинстве своём верили в Бога, а политические сплошь безбожники и не признавали никаких авторитетов – ни царя, ни государство в виде аппарата, ни бога. Единственно – учение К. Маркса, которое толком не читали, ибо для восприятия текст сложен, да руководителей своих ячеек. Членство в боевой организации любой партии подразумевало жизнь удалую. На работу ходить не надо, партия обеспечивает потребности в провизии, одежде, оплате жилья. Впрочем, деньги эти добыты самими боевиками и сданы казначею. Боевику не надо стоять у станка или таскать грузы, работу монотонную и тяжёлую. То ли дело следить за объектом или ворваться в контору с деньгами, выстрелить в потолок, испугать. А буде кто сопротивляться зачнет, так и убить можно. В такие минуты боевик чувствует себя равным Богу, способным карать или миловать. А уж если бомбу швырнуть, так и вовсе веселуха. Дым, мебель порушена, мёртвые лежат! То ли ещё будет, когда партия свергнет самодержца и захватит власть! И так думали боевики всех партий – большевики, эсеры, националисты. Кроме, пожалуй, «Чёрной сотни», партии монархической и националистической. И невдомёк было боевикам, что на разрушениях, крови, насилии, новое государство не построить. Штыками власть захватить можно, но усидеть на них нельзя.

По всему выходило, что боевики со дня на день решатся на акцию. Стали обсуждать, что делать? Закрыть почтовое отделение? На какой срок? На день, неделю, месяц? Невозможно! Отделение недалеко от Николаевского (ныне Московского) железнодорожного вокзала и обслуживает много клиентов – жителей близлежащих домов, приезжающих и уезжающих пассажиров, желающих отправить открытку или бандероль, а то и посылку. Во избежание жертв самим занять место сотрудников? Так нужно быть профессионалом, ибо на телеграфных аппаратах Бодо работать никто из жандармов не умел. Пришли к мнению – находиться рядом, а подъедут боевики, войти следом под видом клиентов и арестовать. Обговорили детали. Одежда цивильная и все порознь. Группа из трёх мужчин сразу вызовет у боевиков подозрение. Причём боевики вполне могут метнуть в группу бомбу. Нет у этих людей границ жалости, которые есть у добропорядочных граждан.

Следующим утром Матвей подъехал к почтовому отделению, что располагалось на первом этаже доходного дома по Лиговскому проспекту, 44. Дом носил прозвище «Перцов дом». Недалеко от входа стояла пролётка с поднятым тентом, в ней Матвей заметил ротмистра Коновалова. Сам Матвей заранее присмотрел себе укрытие – в парадной, между первым и вторым этажом, у окна. Видимость отличная, а от посторонних взглядов сам укрыт. Сколько ни высматривал прапорщика Самойлова, обнаружить не смог. Мысленно похвалил жандарма. Уж если Матвей не обнаружил, зная о том, что Самойлов рядом, то боевики тем более не увидят. На обед никто из жандармов не уходил. Правда, пару раз на короткое время отлучались в туалет на вокзал. Время до вечера тянулось медленно. Когда служащие почтового отделения закончили работу, повесили замок на дверь, жандармы разошлись тоже. Весь день на ногах, без еды и воды, даже в молодом возрасте утомительно. И какое же счастье прийти домой, поесть домашней еды, потом плюхнуться в кресло, вытянуть ноги. Воистину – блаженство. Однако день прошёл, а к боевикам не продвинулись ни на шаг.

И на следующий день заняли прежние позиции. Около десяти утра к отделению подкатила почтовая карета. Закрытого типа, с маленьким зарешеченным окном. На облучке кучер и стражник с кобурой на ремне. Судя по размерам кобуры, револьвер был старый «Смит и Вессон русский». Из кареты выбрались двое мужчин в форме. Один – почтовый служащий, другой – стражник. Почтовый служащий держал в руках кожаный мешок в половину размером меньше обычного.

Матвею сразу подумалось – деньги. Потому как вчера тоже подъезжала карета, но почтовый служащий был без охраны, а мешки размером побольше, крапивные. Назывались так,

потому что делались из высушенных стеблей крапивы. Получались прочные и не пропускали воду, для почты важно.

Стражник и почтовик скрылись в почтовом отделении и через десяток минут вышли. Их карета сразу уехала. Матвею подумалось – в другие отделения императорской почтовой службы. И, если бы он был преступником, то грабил бы не почтово-телеграфную контору, а именно карету недалеко от Главного почтамта, где количество денег максимальное.

Матвей отвлёкся на двух хорошеньких курсисток. Откуда появились боевики, не заметил. Трое молодых мужчин, одетых неброско. Один распахнул дверь в почтовое отделение, другой швырнул внутрь какой-то свёрток. И оба отбежали.

«Бомба!» – догадался Матвей, распахнул створки окна. В это время блеснул огонь, раздался сильный хлопок, из помещения почты вылетели стёкла и рамы, повалил дым. Началась паника, кричали люди. Троица боевиков кинулась ко входу. Этого момента Матвей упустить не мог. Рукоятку револьвера упёрся в подоконник для устойчивости, взвёл курок и выстрелил боевику в картузе в бедро. Почти сразу раздался второй выстрел, это стрелял ротмистр из пролётки. Оба боевика упали, а третий стоял и вертел головой, пытаясь понять, что происходит. Ещё один выстрел, откуда-то из дома напротив и боевик упал. Теперь уже к почтовому отделению рванули жандармы. С петель взрывом сорвало дверь и через проём выбегали люди, кому повезло уцелеть.

Жандармы стремились захватить раненых боевиков. Ещё позавчера ротмистр советовал стрелять по рукам и ногам, чтобы только ранить, с перспективой допросить. С места сорвалась пролётка, стоявшая неподалёку в арке. Извозчик не сидел, а стоял и нахлёстывал коня. Наверное, на этой пролётке боевики должны были скрыться с места экспроприации с добычей.

Следили за отделением и, когда деньги оказались доставлены, решились на акцию. И она у них удалась бы, кабы не жандармы.

– Самойлов, телефонируй в жандармерию. Пусть свяжутся с близлежащими больницами, вышлют кареты для перевозки раненых. Кулишников, внутрь почты. Живы ли сотрудники, целы ли деньги?

Сам же ротмистр к боевикам. «Своему» он прострелил плечо, и боевик сейчас был в шоковом состоянии. Глаза открыты, дышит шумно, но ничего не соображает. Второй, которого подстрелил Матвей, тянулся к пистолету, который выпал из его рук при падении и валялся неподалёку. Ротмистр оружие боевика подобрал, определил в карман. Третий боевик не подавал признаков жизни. Ротмистр побежал в сторону Николаевского вокзала. Буквально в полусотне метров лежала опрокинутая пролётка, придавив извозчика, который пытался выбраться из-под неё. Лошадь тоже пыталась встать, билась в оглоблях и постромках. Пролётка столкнулась с чугунным ограждением, когда извозчик пытался скрыться. Ротмистр помог извозчику выбраться, обыскал. Припасённым куском верёвки связал сзади руки. А сердобольные прохожие уже помогали встать на ноги лошади. Коновалов повёл извозчика к почте. И уже раздавались свистки городских. Полицейские спешили к месту взрыва и стрельбы.

Матвей зашёл внутрь почты. Стойки повалены, на полу несколько окровавленных тел. Придавленный стойкой, стонет человек, видны только его ноги в форменных штанах. Раз стонет, значит жив. В отделении сильно пахнет сгоревшим динамитом. Матвей ухватился за край поваленной стойки, поднатужился, приподнял.

– Выбирайся, пока я держу!

Человек выбрался. Судя по галунам на мундире, сам начальник почты. Один рукав в крови.

– Сильно зацепило?

– Руку чувствую.

– Тебя стойка спасла, на себя удар приняла. Деньги целы?

Начальник почты сразу насторожился.

– А ты кто таков?

– Из жандармерии.

Матвей для убедительности жетон показал.

– Я успел в хранилище мешок с деньгами положить, ключи у меня.

Заниматься ранеными не функция жандармерии. А протокол осмотра места происшествия составить надо, подобрал с пола чью-то кепку, вытер ею столешницу и стул. Взял чистый лист бумаги из держателя, ручку, обмакнул перо в чернильницу.

«Мной, прапорщиком Охранного отделения Отдельного корпуса жандармов Кулишниковым М. П. осмотрено при дневном свете место происшествия по адресу: Лиговский проспект...».

А в помещение почты уже ротмистр ездового заводит, Самойлов ведёт под руку прихрамывающего боевика с окровавленной штаниной. Следом двое околоточных надзирателей под руки заводят раненного в плечо боевика. Здесь их обыскали. При себе ни документов, ни оружия не оказалось.

Вбежал городской, обратился к одному из околоточных:

– Что с лошастью делать? Я пока привязал её к столбу.

Ответил ротмистр:

– Попроси мужиков пролётку на колёса поставить.

– Так уже.

– Подгони сюда. Надо этих субчиков в жандармерию доставить.

– На набережную Мойки? – уточнил городской.

– Нет, на набережную Фонтанки.

Там располагался штаб III отделения. Там надо боевиков допросить, а потом отправить во внутреннюю тюрьму на Фурштатской. А до допросов ещё доктор их осмотреть должен, перевязать. Иначе вездесущие журналисты поднимут завтра вой – нарушают гражданские права! А то, что боевики невинных людей убили, нескольких ранили, в расчёт не берут.

– Самойлов, запиши фамилии раненых. А ещё посчитай убитых и опиши. Хорошо бы документы оказались.

И к полицейским.

– Помогайте, пока следы не затоптали и раненых не увезли.

Возиться пришлось долго. После звонка в жандармерию прибыл фотограф и судебно-медицинский эксперт. Надо всё запротоколировать для суда, чтобы не отвергались боевики. И светит им смертная казнь через повешение. Потому как террористов судит трибунал и статьи закона суровые. Либо смертная казнь через повешение, либо каторга от пятнадцати лет и до пожизненной. Впрочем, на каторге выжить даже десять лет сложно, это не ссылка с почти курортными условиями.

Пострадавших от взрыва и свидетелей нашлось много. Следственное дело распухало от бумаг на глазах. Тем не менее напряжением маленькой группы за месяц дело было завершено и передано по инстанции в суд.

Долго отдыхать не пришлось. Изворотливость в задумках по добыванию денег разных партий приводила всю группу в изумление. Причём предотвратить некоторые было решительно невозможно.

Несколько человек арендовали квартиру. С владельцем договаривались мужчина и женщина под видом семейной пары по фальшивым документам. Ничего предосудительного.

Если не знать, что напротив дома, через узкую улицу, находится банк. Сменяя друг друга, по ночам, мужчины делали подкоп. Землю вывозили в мешках на ломовых подводах. За три недели подземного труда вышли к стене подвала и в одну из ночей разобрали каменную кладку. Банк хранил ценности – деньги бумажные и золотые монеты в подвале, в хранилище. Всё ценное из хранилища вынесли и из квартиры исчезли. Хватились пропажи только днём,

перед полуднем, когда кассир банка спустился в хранилище. Сотрудники в шоке, управляющего отпаивали валерианой. Пропали 314 тысяч рублей. Конечно, вызвали полицию. Такие кражи были способны разорить банк. Средний ежемесячный заработок рабочего был 25–30 рублей. По тридцать рублей платили партии рядовым боевикам в месяц на содержание. Ибо боевики не работали, некогда было – слежка за будущими объектами экспроприации, подготовка самого акта.

Но Матвея, как и других жандармов, изумляла изворотливость боевиков большевиков. Кавказский боевик Камо 13 июня ограбил инкассаторскую карету в Тифлисе (ныне Тбилиси), захватив 341 тыс. рублей. Переправил деньги Красину и Ленину в Куоккала, в Финляндию. Купюры были крупные, по пятьсот рублей и номера их были известны. Ни расплатиться ни обменять на валюту других стран. Однако Красин нанял художницу Афанасию Шмидт (конспиративный псевдоним Фаня Беленькая). Та под микроскопом миниатюрной кисточкой, ювелирно точно подобрав краску, поменяла на каждой купюре по одной цифре и деньги поменяли малыми партиями в разных банках на валюту.

В 1905 году в империи насчитывалось девять правых партий, семь центристских, пять левых, а ещё одиннадцать польских, пятнадцать финских, девять украинских, семь еврейских, пять мусульманского толка, а ещё армянские, шведские и прочая и прочая. Третья часть имела боевые организации, правда – не все грабили государственные финансовые организации. Например, такие как русский народный союз имени Михаила Архангела боевиков готовили для еврейских погромов. Наиболее активными были боевые организации эсеров, большевиков, эсеров-максималистов и анархистов. Причём большевиков в 1906 году насчитывалось 46 тысяч человек, меньшевиков – 100 тысяч, а членов союза русского народа четыреста тысяч. Но в конечном итоге плодами февральской революции 1917 года воспользовались большевики, учинив Октябрьский переворот. Конечно, Ульянов-Ленин был хорошим оратором, способным увлечь за собой людей, но Троцкий, возглавивший социал-демократов, был отличным.

Боевая организация эсеров была создана и активно действовала раньше, чем большевистская. Боевики эсеров совершили за время своего существования 263 теракта, убили двух министров, 33 генерал-губернатора, 16 градоначальников, 7 генералов, 26 агентов полиции. Погибших и раненых при терактах случайных прохожих никто не считал. Большевики при создании своей боевой организации брали примером по структуре и действиями организацию эсеров.

Интересен состав боевой организации эсеров. Созданная в 1902 году она насчитывала 13 женщин и 51 мужчину, среди них 13 выходцев из потомственных дворян, 3 почётных граждан империи, 5 – из семей священнослужителей, 10 из купеческих семей. Высшее образование имели 6, студентами университетов 28, 24 имели среднее образование и 6 начальное. То есть – все люди грамотные и молодые, от 20 до 30 лет.

Когда раненные смогли говорить, подлечившись в тюремной больнице, начались допросы. К удивлению Матвея, боевики не молчали. Зная, что пойманы на месте преступления и улики и свидетелей достаточно, что ожидает их суд скорый и суровый, товарищей своих сдавали. Знали немногих, ибо в боевой организации действовали «пятёрками» во избежание провалов. Четыре рядовых члена знали и получали указания от пятого, старшего. Тот входил в свою «пятёрку». Так выстраивалась пирамида. Из этой «пятёрки» один убит и трое захвачено, назвать исполнители смогли только старшего. Но, узнав о провале акции, он исчез с места жительства. Долго ли при поддержке руководства обзавестись поддельными документами и сменить съёмную квартиру? Боевики не работали, не обзаводились семьями, не имели своей недвижимости, этих якорей в мирской жизни.

На допросах боевики держались спокойно, без истерик, не каждый на такое способен. Знали, на что шли, чем рисковали. Приговор и в самом деле оказался ожидаемым. Оба боевика были приговорены к повешению и их вздёрнули в Шлиссельбургской крепости, а ездо-

вого приговорили к десяти годам каторги, потому как он ни взрывчатку, ни оружие в руках не держал, был пособником.

После царского указа об образовании Государственной Думы и Государственного Совета массовые выступления народа – митинги, демонстрации, стачки, сошли на нет. Общество выжидало, как изменится жизнь. Вторая половина 1906 года прошла для Охранного отделения в относительном спокойствии. Матвей даже возвращался со службы вовремя. Мало того, по выходным стал брать уроки игры на гитаре. Тогда знали только гитару-семиструнку, а не появившуюся в середине века шестиструнку. Слух музыкальный имелся, голос приятный. Радовал Матвей иногда своих сослуживцев на посиделках.

Песню под гитару спеть, завести, иной раз даже на танец спровоцировать. Такие посиделки сослуживцев сближали. Служба опасная, те же боевики не останавливаются перед применением оружия. Убить жандарма, сатрапа, как они называли, для боевика – честь. И жандарм должен знать, быть уверенным, что сослуживец в трудную минуту не бросит, не подведёт.

Боевики некоторых партий составляли списки тех, кого приговаривали к смерти. Например – священника Гапона, который вывел людей на демонстрацию 9 января, а потом скрывался. И боевики всё же убили его на даче в Озерках, исполнителями были Рутенберг и Дикгоф-Деренталь. И в то же время к смерти был приговорён другой участник «кровавого воскресенья», генерал Мин, отдавший приказ солдатам стрелять по толпе. И этот приговор привели в исполнение в августе 1906 года. Так что большевикам было с кого брать пример. Азеф, возглавлявший боевую организацию эсеров, попал у соратников под подозрение в сотрудничестве с охранкой и в декабре 1905 года уехал в Москву, а сменивший его Борис Савинков был поистине злым гением. Быстро сумел организовать в Петербурге две динамитных мастерских, активизировать боевиков на теракты против царских чиновников.

Случайным свидетелем и участником попытки ограбления почтовой конторы стал Матвей. Зашёл уже после службы на почту, что на Литейном проспекте. Отец попросил купить конвертов с марками. Был в гражданской одежде, на голове – шляпа. Момент важный, ибо шляпа скрывала короткую стрижку, какая была по уставу у служивых людей. Уже конверты купил, служащий почты отсчитывал сдачу монетами, как в контору ворвались трое молодчиков. Один сразу выхватил из-за пояса револьвер и выстрелил в потолок. Завизжали испуганные женщины, запахло порохом. Матвей бочком-бочком, как краб, в сторонку с линии вероятного огня. А стрелявший зычным голосом приказывает:

– Это экспроприация! Деньги в мешке на стойку!

И револьвером на почтового служащего показывает. А на того ступор напал, стоит соляным столбом. Люди в необычных или опасных обстоятельствах ведут себя по-разному. Одни в шоке и не могут пошевелиться, другие в обморок падают. И только у меньшей части выброс адреналина бешеный, им надо действовать. Один из террористов распахнул дверцу в стойке, прошёл на служебную территорию. Сам пожелал деньги изъять из хранилища. В каких-то отделениях это глухая, без окон, каморка, в других отсек, огороженный от общего помещения железной решёткой с толстыми прутьями. Молодчик подошёл к начальнику почты, сидевшему за столом, протянул руку.

– Ключи!

Начальник помедлил, начал подниматься со стула, террористу медлительность не понравилась, и он выстрелил мужчине в грудь. Пока происходили эти события, Матвей медленно отошёл к стене, оказавшись у нападавших сзади. Внимание нападавших было сосредоточено на сотрудниках почты. Угрозы в гражданского вида посетителях они не видели. Матвей вздохнул. Вроде уже пообтёрся на службе, а всё равно начинать бойню в закрытом помещении, где десяток мирных граждан, страшно. А ну как будут жертвы? Как жить с таким грузом на душе? Но и позволить уйти с деньгами нельзя, тем более начальник почты убит или тяжело ранен. Выхватил Матвей револьвер и выстрелил в того, что стрелял в почтовика. Потом в плечо

второму налётчику и спину третьему, который уже вытягивал из-за пояса пистолет. Грохот выстрелов в небольшом помещении оглушил. Все трое налётчиков на полу валяются. Матвей поднял руку с револьвером вверх.

– Всем стоять на месте! Я из жандармерии! На ваших глазах произошло убийство и попытка ограбления. Никому не покидать почтовую контору, будете свидетелями!

А сам к двери. Налётчики не пришли пешком. Для того, чтобы быстро скрыться, всегда приезжают в пролётке. И ездовой – сообщник. Пролётка в самом деле стояла у входа. Извозчик на козлах, нервничает, крутит кнут в руках. Выстрелы-то ему были слышны. Матвей револьвер на него навёл.

– Слазь!

– Чего?

– Слазь, пока не застрелил!

Извозчик начал медленно слазить. Явно тянул время, соображая, что предпринять.

– Бежать не вздумай, я из жандармерии. Пуля всё равно быстрее, догонит.

Извозчик встал на мостовую и неожиданно кинулся на него. Выстрел произошёл как-то сам собою. Палец на спусковом крючке был, дёрнулся. Почти в упор, дистанция в пол-аршина была, промахнуться невозможно.

Извозчик рухнул. Матвею его жалко не было, каждый человек сам выбирает свою дорогу в жизни. Один учительствует, грамоте детишек учит. Другой в дымном цеху молотком заклёпки расклёпывает в листах обшивки строящегося судна. Третий хлебушек в печи печёт. А кто-то деньжат по-лёгкому срубить хочет и убийство его не останавливает. Все заповеди христовы нарушает – не укради, не убий. И путь на эшафот для таких справедливая награда.

Уже слышны трели полицейского свистка, выстрелы слышали городовые, с минуты на минуту будут здесь. Матвей вернулся на почту. Начальник был жив, дышал тяжело. Возле него какой-то господин на коленях стоит, прижимает к окровавленному форменному скюртку раненого платок.

Надо вызвать врача, жандармов. Матвей подошёл к телефону на стене, снял трубку, покрутил ручку.

– Алло, барышня! Барышня! Дайте мне любое отделение полиции, поближе к Литейному двадцать девять.

– Ждите.

В трубке щелчки, шорохи, потом мужской голос:

– Полиция на проводе.

– У аппарата Кулишников из Охранного отделения. Срочно нужен врач и полиция в почтовое отделение на Литейном двадцать девять. Теракт, есть убитые и раненые.

– Слушаюсь!

При полицейских участках были дежурные полицейские врачи, но не при всех участках. На происшествия выезжали вместе с нарядами полиции. А вообще-то раненых доставляли сердобольные прохожие попутным транспортом в ближайшие больницы. В Российской империи первая станция «скорой помощи» появилась в Варшаве в 1897 году.

В Москве купчиха первой гильдии Анна Ивановна Кузнецова на свои деньги наняла и содержала фельдшера, санитаря и извозчика, крытую повозку и лошадь при Сретенском и Сущёвском полицейских участках. Случилось это 28 апреля 1898 года. Карета выезжала только на уличные происшествия и по сообщению полицейского (не потому ли до сих пор по традиции машины «скорой» называют каретами?). В Санкт-Петербурге первая «скорая помощь» открылась в 1899 году, затем ещё пять. Возглавил их известный доктор Г. Турнер. А первая машина на службе скорой помощи появилась в 1908 году.

Первыми подкатили к почте полицейские, следом медики. Матвей уже за столом сидел, записывал фамилии и адреса людей, находившихся в помещении. Важно зафиксировать свидетелей, пока никто не ушёл.

Сразу к делу подключился полицейский следователь, а медики погрузили раненого начальника почты на носилки, в карету и уехали. Раненого террориста увезли полицейские в тюремную больницу.

Видимо, из полицейского участка сообщили в Охранное отделение. Что уж там сказал дежурный полиции, неизвестно, но к почтовому отделению подкатил на служебной пролётке сам Александр Васильевич Герасимов, полковник его императорского величества Охранного отделения при Отдельном корпусе жандармов. Быстрым шагом вошёл в помещение почты. При виде начальника Матвей вскочил.

– Доложите кратко о происшествии, – приказал начальник.

Отошли в угол, Матвей доложил негромко.

– Так это вы их всех из револьвера?

– Начальника почты ранил боевик, остальных я.

– Пострадавших среди посетителей или прохожих нет?

– Никак нет!

– Молодец! Продолжайте.

Стрельба в центре города всегда событие чрезвычайное. И до министерств и до двора слухи быстро доходят. А уж ушлые газетчики сразу примчатся. В каждой газете есть раздел «происшествия», репортёры зачастую получают информацию от полицейских, за малую мзду.

Непременно информируется министр внутренних дел, на усмотрение которого доклад императору.

И снова на службе до позднего вечера. А под суд в итоге пошли двое – раненный в плечо боевик и извозчик. Повезло ему, выжил после ранения в живот. Но кончили жизнь оба печально. Не дома, в постели и в окружении родственников, а на виселице, в присутствии палача и его помощника, тюремного врача, прокурора и начальника тюрьмы. Не самая лучшая кампания, чтобы уйти в мир иной. За всё в жизни надо платить. Если человек идёт забрать чужую жизнь, он должен быть готов, что заберут и его жизнь.

Прошло Рождество. Наступил Новый год, а 13 февраля крупное ограбление банка в Гельсингфорсе (нынешний Хельсинки), Финляндия тогда входила в состав Российской империи. В Петербург пришло донесение о совершённом преступлении, сразу в полицию и жандармерию. Тамошние спецслужбы активно поработали со свидетелями, составили подробное описание грабителей. В те времена преступники лица под масками не скрывали, даже бравировали. Вот моё лицо, попробуйте меня поймать! Между Петербургом и Гельсингфорсом всего 380 километров. И поезда ходят, и паровые суда, потому как оба города на берегу Балтийского моря стоят. Преступники зачастую после своих злоумышлений сбегали отсиживаться из России в Финляндию и наоборот.

Столичные полицейские и жандармы насторожились. Судя по почерку ограбления, действовали не уголовники, а боевики какой-то из партий. И не исключено, что они объявятся в столице. Как позже оказалось на допросах, экспроприацию организовали эсеры-максималисты. Эта фракция откололась от эсеров и заявила о себе с началом 1906 года грабежом банка в Москве. С эсерами они разошлись идеологически, эсеры хотели изменить государственный строй парламентским путём, а максималисты свержением самодержавия насильственным путём. Из всех боевых организаций – большевистской фракции РСДРП или анархистов или эсеров, максималисты оказались самыми воинственными и безбашенными.

Чего стоит неудавшееся покушение на премьер-министра Петра Столыпина 12 августа 1906 года, когда пострадали более ста человек, из них 27 погибли, 33 тяжело ранены и несколько скончались позже в больницах.

Организатором был Михаил Иванович Соколов, партийный псевдоним «Медведь». Максималисты решили устроить взрыв на казённой даче Столыпина. По субботам он вёл там приём чиновников и граждан. Продумывать акт терроризма начали заранее. Владимир Лихтенштадт в динамитной мастерской Леонида Красина из большевистской фракции РСДРП изготовил динамит. Мастерская располагалась в Москве, в квартире Алексея Пешкова (писатель, взявший затем псевдоним Горький). Охраной квартиры-мастерской занимался Симон Тер-Петросян, более известный под псевдонимом Камо. Динамит с предосторожностями, по частям, перевезли в Санкт-Петербург. Максималисты, обладая солидными деньгами из награбленных, имели до полутора десятков арендованных конспиративных квартир, поселили на них наиболее активных и подготовленных боевиков. Боевая организация имела два своих конных выезда и два автомобиля, редкость по тем временам. Определили трёх исполнителей – Ивана Тикуннова (псевдоним Гриша), Илью Забелышанского (псевдоним Француз) и Никиту Седова (псевдоним Федя).

Стали думать, как проникнуть на дачу. Охрану несли несколько полицейских снаружи и несколько армейских офицеров внутри. И пройти под видом посетителей, да ещё с грузом взрывчатки, не получится. У кого-то родился дьявольский план. Исполнителей нарядить в жандармскую форму, подъехать на автомобиле. Динамит уложить в солидный кожаный портфель, чтобы ни у кого не вызвать подозрений. Исполнители понимали, что при взрыве могут погибнуть сами. А в случае удачи, после взрыва, могут быть застрелены полицейскими. Но от затей не отказались, решили пожертвовать собой во имя высокой цели.

Один комплект формы сняли с жандармского офицера, ударив его сзади по голове кистенём, чтобы не запачкать мундир кровью. По этому образцу женщины из боевой организации пошили ещё два комплекта. Купили портфель. Хорошей выделки кожа, и вместились в него динамитных шашек почти на семнадцать фунтов. Однако начинки в виде железных шариков или болтов не применяли, просто не знали об их поражающей силе. Одна из женщин вызнала о дате приёма просителей на даче, что располагалась на Аптекарском острове, в самом центре столицы.

Приём начался в четырнадцать часов. В четырнадцать тридцать к даче подъехала пролётка. Машину пришлось заменить, не смогли завести, всё-таки техника была ещё ненадёжной. Из ландо вышли двое в жандармской форме. Полицейские их не посмели остановить. Расчёт террористов оказался верным, маскарад удался.

Переодетые боевики вошли в первую приёмную. Увидев жандармов с объёмистым портфелем, генерал А. Н. Замятнин встал из-за стола, шагнул навстречу. Он полагал – жандармы доставили Столыпину важное послание, вполне может быть, что от самого государя. А боевики при виде генерала испугались, бросили ему под ноги бомбу в портфеле и выбежали из приёмной. Тотчас раздался взрыв. Приёмный зал большой и бомба натворила много бед. Были убиты Хвостов С. А. – губернатор Пензы, сам генерал Замятнин А. Н.; князь Шаховской, член совета Министерства внутренних дел; начальник охраны Таврического дворца В. Ф. Шульц; князь М. И. Накашидзе и ещё много людей, в том числе беременная женщина, чья фамилия осталась неизвестной. Сам Пётр Аркадьевич получил только ушибы. Дверь в его приёмную сорвало с петель и его ударило. Были ранены дети Столыпина – трёхлетний сын и двенадцатилетняя дочь.

В панике оба исполнителя смогли без помех добежать до экипажа и уехать. Полицейские бросились в дом после взрыва, помогать. Увиденное повергло их в ужас. Столько крови и разорванных тел в одном месте одновременно они ещё не видели. Позвонили в полицию, жандармерию, потребовали срочно врачей. На место происшествия выехали сразу все пять имеющихся карет «скорой помощи». От жандармерии, её Охранного отдела, выехала в полном составе группа Коновалова.

Сам организатор сразу после взрыва уехал в Финляндию, а исполнители остались, на первое время «залегли» на конспиративных квартирах. Михаила «Медведя» сдали дважды. Терракт вопиющий, террористы бросили вызов империи, поэтому на раскрытие дела, установление всех причастных бросили все силы. В среде эсеров-максималистов был предатель – Семён Яковлевич (Соломон Янкелевич) Рысс, имевший подпольный псевдоним «Мортимер». Завербован был Киевской жандармерией. За участие в терактах грозила ему смертная казнь. Убоявшись смерти, дал согласие на сотрудничество с Охранным отделением. Жандармы его выпустили, а своим товарищам Соломон сказал, что совершил побег. Он перебрался в Санкт-Петербург, продвинулся на руководящие, но не на первые посты в организации. Сдал жандармам динамитную мастерскую, бомбовый склад и паспортное бюро, где довольно искусно изготавливали фальшивые документы. «Мортимер» сразу указал на организатора взрыва, описал его. Но где находился «Медведь», не знал. Жандармы подняли архивы, им повезло. Соколов проходил по одному из дел, был судим, из ссылки бежал. Но главное – в деле было его фото! Фотография была размножена, разослана в полицейские участки, в Охранные отделения всех губерний.

А местонахождение «Медведя» выдал один из исполнителей покушения, Никита Седов.

Полицейские, стоявшие у дачи Столыпина, подробно описали «лжежандармов». У одного была примета – небольшое коричневое родимое пятно на шее слева, чуть выше воротника. Его-то и увидел Матвей в трамвае. Вполне могло быть совпадение, и Матвей решил проследить за парнем. Одет Матвей был в гражданскую одежду, внимание к себе не привлекал. Парень с приметой вёл себя спокойно, спрыгнул с трамвая, через квартал зашёл в доходный дом и вскоре вышел с товарищем. Этот ни под одно описание не подходил. Парни зашли по одному адресу, потом по другому. А с третьего вышли с объёмистым пакетом в руках. Пакет, видимо, тяжёлый, несли его парни по очереди и оставили на четвёртом адресе. О конспирации парни точно не слышали, ни один ни разу не обернулся, не проверился. Очень кстати Матвей увидел городского. Подошёл, показал значок.

– Мне надо задержать вон тех двух мужчин. Они могут быть вооружены и опасны. Оружие имеется?

Полицейский похлопал рукой по кобуре.

– Имеем.

– Будут сопротивляться, стреляй сразу. Империи не нужен мёртвый герой.

– Понял, исполню.

Парни остановились у столовой Меркулова. Матвей с полицейским подошли. Матвей представился и не успел сказать о задержании для проверки документов, как парни бросились бежать. Один на ходу попытался достать из кармана пиджака оружие. Полицейский выхватил из кобуры оружие, закричал:

– Стой!

И выстрелил в воздух. Парень с оружием сделал остановку, с полуоборота сделал выстрел и промахнулся. Зато полицейский выстрелил в ответ, и парень рухнул. Второй парень остановился. Видимо, выстрел полицейского произвёл впечатление. Матвей подбежал. У лежавшего на тротуаре, на лбу огнестрельная рана, мёртвые глаза смотрят в небо.

– Снайпер, твою мать! – выругался Матвей.

Обыскал второго. Оружие у него тоже было, бельгийского производства «браунинг», но парень им не воспользовался. Матвей приказал полицейскому телефонировать в полицейский участок, нужен околоточный надзиратель, составить протокол, и полицейский врач, засвидетельствовать смерть и увезти на вскрытие.

Матвей же остановил пролётку.

– Садись, – приказал он задержанному. – И не вздумай бежать, застрелю.

По горячим следам в Охранном отделении начал допрос. Арестованный отпирался недолго. И сломали его показания полицейских с указанием на характерную примету – роди-

мое пятно. Он и рассказал, что «Медведь» собирается вернуться в столицу в середине ноября. Сразу был задействован филёрский отряд. Всем раздали фото и описание – рост, телосложение. Филёры дежурили на всех возможных местах появления «Медведя». Они были и на Финляндском вокзале, и на морском вокзале, и на шоссе при въезде в город, ведущем из Финляндии. Понятно, что Соколов мог въехать кружным путём, пароходом до Польши и прибыть на Варшавский вокзал. Филёров, чтобы плотно прикрыть все возможные пути, не хватало.

День проходил за днём, а Соколов не объявлялся. Напряжение нарастало. И вдруг 26 ноября телефонный звонок от филёра.

– Веду объект от Финляндского вокзала.

И тут же повесил трубку. Торопился, боялся упустить означенное лицо. Сразу собрали группу Коновалова для ареста. Ждали лишь сообщения филёра об адресе, куда придёт «Медведь». Звонок последовал через час с четвертью. Филёр сообщил адрес и связь прервалась. Извозчик гнал лошадей служебной пролётки лихо. Четверть часа бешеной гонки и прибыли на адрес, не доехав до него пары домов. Все жандармы группы в гражданской одежде, чтобы не привлекать внимания. В арке дома их ожидал филёр.

– Туточки он, третий подъезд, четвёртый этаж, квартира налево. Номер сказать не могу, не поднимался, со второго этажа усмотрел, туда он входил.

– Чёрный ход есть?

– А то!

– Своим ключом объект дверь открыл или стучал, звонил?

– Стучал, отперли.

Чёрный ход – это плохо. Надо силы распределить. Филёр вовсе не обязан участвовать в задержании, поскольку «Медведь» наверняка имеет оружие и добровольно не сдастся. И неизвестно, сколько человек в квартире и есть ли у них взрывчатка. Желая проложить дорогу, Соколов не остановится перед её применением, запросто может швырнуть бомбу в жандармов. Наскоро посовещались. Надо придумать хитрость, чтобы боевики сами дверь открыли. Тогда всем ворваться туда, а дальше – как повезёт. Матвей предложил идею – кричать «пожар!». Если постучать в дверь, представиться почтальоном, могут не открыть. Квартира конспиративная и писем и посылок не ждут. А на «пожар» должны среагировать. Рассказывал как-то отец Матвея, Павел, о такой хитрости. Филёра на всякий случай отослали следить за чёрным ходом. Вдруг боевики попытаются скрыться? Матвей пожертвовал своим носовым платком. Ротмистр приготовил зажигалку. Поднялись к двери квартиры на четвёртом этаже. Матвей держал платок, а ротмистр поджёг его. Платок из натурального хлопка, загорелся не сразу, больше тлел, зато едкого дыма давал много. Матвей поднёс платок к замочной скважине, чтобы дым сквозняком тянуло в квартиру. Английских замков с маленькой личинкой ещё не было, а у сувальдных замков, где ключи с большой бородкой, скважина большая, даже подглядывать можно. Прошло несколько минут. Ротмистр, прижавшийся к двери ухом, прошептал:

– Забегали! Один говорит, что печь не топили. По голосам, похоже – трое в квартире.

Выждали ещё несколько минут. От дыма уже на площадке этажа хотелось кашлять, щипало в носу и глазах. Ротмистр прошептал:

– Пора!

Матвей бросил платок, заорал:

– Пожар!

Все трое приготовили оружие. Первой открыли дверь соседи из квартиры напротив. Выглянула женщина. А на площадке дым.

– Горит! У кого горит?

– Да в квартире напротив! Похоже – оттуда дым.

Пожар в доме большое бедствие. Перекрытия деревянные, из брёвен и полы из досок. Дома отопление имели печное, выпал уголёк из печки, не досмотрела хозяйка или прислуга,

и пошло полыхать. Пока пожарная команда на повозке доберётся, да и воды в ней всего одна бочка. Пожарный насос с ручным приводом, двое пожарников при усердной работе воду поднимают в рукаве до четвёртого этажа. А в столице и пять этажей не редкость.

Жандармы встали по обе стороны от двери. Послышались шаги, щёлкнула защёлка, дверь распахнулась, выглянул парень. На него сразу набросились ротмистр и прапорщик Самойлов. Зажали рот, дали подсечку, свалили. Матвей ринулся в квартиру. В кухне никого, в комнате двое. Один у окна, на улицу смотрит, второй у стола в центре комнаты в саквояже копается.

– Руки вверх! – скомандовал Матвей.

И боковым зрением уловил движение слева. Стремительно развернулся, а на него бежит мужчина с ножом. Выстрелил почти в упор, увернулся от нападающего мужика, сразу взгляд в комнату. Тот, что у стола стоял, из саквояжа пистолет вытаскивает. Матвею выбора нет, выстрелил в плечо, чтобы обездвижить. Убить нельзя, надо оставить в живых, чтобы допросить. При попадании пули в сустав сразу болевой шок, человек не в состоянии оказать сопротивление.

Глава 3

СТУПЕНИ НА ЭШАФОТ

Подбежал Самойлов. Открывшего дверь парня уже скрутили, связали. Прапорщик обыскал обоих мужчин в комнате. Оба при оружии были, пистолеты изъяли. А в саквояже деньги ещё были, много. Когда пересчитали при понятых – двадцать одна тысяча рублей. Но самое главное – «Медведя» арестовали, он у окна стоял и сопротивления не успел оказать.

Следствие по делу о теракте на даче у Столыпина уже провели. Допросили Соколова, подшили в папку и дело передали в трибунал. Приговор «Медведь» получил ожидаемый, смертный. Слишком много жертв было при взрыве и на снисхождение рассчитывать не приходилось. Повешен был Соколов второго декабря 1906 года, как и его подельники. «Медведь» видел, как вздёргнули его сотоварищей, когда палач накинул петлю ему на шею, закричал.

– Всех не перевешаете, сатрапы! Всё равно наша возьмёт! Я...

Не докричал, помощник палача выбил табурет из-под ног Соколова. Закачалось, забилося в агонии тело. Матвей не обязан был присутствовать на казни, но был. Не потому, что кровожадный садист. Потому, что был на месте происшествия, видел разорванные тела. Чем помешала Соколову беременная женщина? Или раненые дети? На крови не построишь справедливое государство, где счастья на всех поровну. Моральное удовлетворение получил, ибо сказано в Библии – «и мне отмщение и аз воздам!».

В этот день с сослуживцами выпил крепко. Неправильно это, когда молодые парни умирают не на защите родины, не за дела праведные, а бесславно, очернив свой род.

Любая партия на содержание своего аппарата, на оружие, выпуск газет и листовок, на продуктовые посылки своим товарищам в заключении, на жалованье боевикам требует денежных средств. Партийные взносы скромны, меценатов мало, поэтому экспроприации для некоторых партий – выход из затруднительной ситуации, возможность выжить. Ещё деньги вымогали у купцов, мелких промышленников. Например, у анархистов доходило до того, что в лавку заваливался последователь М. А. Бакунина, наставлял револьвер и приказывал: «Дай тысячу, а то лавку подпалю!»

Такие радетели за анархию зачастую превращались в обычных грабителей, лёгкие деньги развращают. Да ещё руководство политических партий, профессиональные революционеры любили жить за границей, устраивать здесь съезды партий, особенно в Швейцарии или Франции. Их полиция в дела иностранцев не вмешивалась, пока они не совершали ничего противозаконного. В отличие от членов своих партий, даже по названию – рабочих, руководство трудом не озабочивалось. Любили прилично одеваться в дорогих магазинах, носить дорогие часы, читать, посещать кинематограф. Вели размеренную жизнь буржуа, с которыми боролись в своей стране. Охранное отделение о сытой и размеренной жизни руководителей партий знало, считало их лицемерами, лжецами, людьми без принципов. Причём это были не догадки. С 1905 года в Париже действовало жандармское бюро заграничной агентуры. Охранное отделение просто вынуждено было обзавестись заграничным филиалом. Руководители там и под тайным наблюдением, как и боевики, скрывавшиеся за границей после терактов. Если рядовые члены боевой организации погибали при терактах, экспроприациях, руководству их не было жаль, расходный материал.

Руководил парижским бюро с 1905 по 1909 год Гартинг Аркадий Михайлович, с 1909 по 1917-й Красильников Александр Александрович. Оба полковники, люди опытные, сумели завербовать членов партии, близких к руководству или прислугу – кухарку, истопника. Так что информацию о местонахождении, планах, съездах политических партий Охранное отделение имело.

Справедливости ради, предатели были и среди полицейских, жандармов. Так, в 1911 году в Европу выехал бывший чиновник Особого отдела Департамента полиции Леонид Меньшиков. Да ладно бы сам уехал. К отъезду готовился, делал копии секретных документов и донесений и ухитрился вывезти под видом домашних вещей все копии документов и стал их предлагать представителям революционных движений. Несколько сотен фамилий успел продать с большой выгодой. Причём на сданного с потрохами информатора имелось всё – соглашение на сотрудничество с полицией или жандармерией, письменные доносы, даже расписки в получении денег. Эти копии документов – железное доказательство предательства.

Ущерб Меньшиков нанёс Российской империи колоссальный. Без информаторов в среде боевиков, руководства партийных ячеек борьба полиции или жандармов с террористами или боевиками не была бы быстрой и эффективной.

С 1880 года по 1917-й численность секретных агентов, которым платили деньги, но они не состояли в штатах Охранного отделения, сотрудничали тайно, составляла десять тысяч. Сумма выплат агентам зависела от важности информации. Одно дело сведения о предстоящей сходке рабочих, а другое – о готовности покушения на государя или царского высокопоставленного чиновника – губернатора, министра, генерала.

Зима в декабре была тяжёлой. Выпадет снег и через два-три дня растает, слякотно. Но после Крещения ударили сильные морозы. Ребятам радость – на деревянных санках с горок катаются, веселятся. А птицам и зверю голодно. Реки льдом покрылись. Если раньше горожане с берега на берег по мостам переходили или переправлялись на лодках, то теперь по льду, даже тропинки протоптали. Петербург весь на островах, реками пронизан – Нева, Невка, Фонтанка, Мойка и десятки более мелких, многочисленных каналы, вроде Екатерининского, Обводного. Несчастные случаи пошли, утопления. Где-то полыньё прорубят бельё постирать, а где-то промоина во льду от подводного ключа. За ночь снежинки припорошат, ровная целина. Вот и проваливались прохожие. Зимой одежда тяжёлая, тулуп, пальто, шуба, по кошельку владельца. Верхняя одежда промокала быстро, тянула на дно, избавиться от неё на плаву сложно, да ещё течением под лёд затаскивает.

В конце января Матвей попал на спасательную операцию. Утром светает поздно, на службу шёл ещё в сумерках. Мойку перешёл по Зелёному мосту, налево повернул, на набережную. Каким чудом услышал какую-то возню со стороны реки и сам не понял, на слух – как будто бы рыбёшка бьётся. Но какая рыба зимой, когда на реке лёд стоит. Остановился, прислушался. Сдавленный крик различил. Уже не раздумывал, ухватился за решётку ограждения, повис на руках, прыгнул на лёд. Высота большая, метра три с половиной – четыре, можно ногу подвihnуть. Побежал на звук. Ба! Полынья, в ней человек барахтается, видно – из сил уже выбился. Голова то уходит под воду, то появляется.

– Держись!

Матвей лёг на лёд, вытянул руку, пытаясь ухватиться за край одежды тонущего человека. А тот снова под воду ушёл. Счёт на секунды идёт. Матвей вскочил, сбросил шинель, стянул сапоги, набрал воздуха в лёгкие, нырнул. Открыл глаза. По зимнему времени вода относительно прозрачная, сразу тёмное пятно увидел. Мощный гребок и он рядом, ухватился рукой за воротник, подтянул. Одной рукой выгребать, да ещё с грузом и против течения, пусть и слабого, тяжело. Над ним лёд, прорубь или промоина уже в стороне, в полутора-двух аршинах. Но выгреб, ухватился рукой за край льда, подтянулся, жадно хватил воздуха сам, дал возможность вдохнуть человеку. Развернул тонущего лицом к себе и вверх, дабы не захлебнулся. Ба! Да это же девка молодая. Кожа на лице нежная, длинные волосы сзади собраны в косу и закручены. Он их сначала за шапку принял. Девушка пребывала в полубессознательном состоянии, но всё же задышала, закашляла, отплёвывая воду, глаза открыла. Надо выталкивать её на лёд и выбирать самому. От холодной воды мышцы на ногах сводит, намокшая одежда тянет ко дну, пальцы рук уже настолько замёрзли, что потеряна чувствительность. Голову влево-

вправо повернул – на льду никого нет. Вроде бы какое-то движение на набережной Мойки есть. Собрался с силами, крикнул:

– Помогите!

Слава богу, услышали. Какой-то мужчина прыгнул на лёд, побежал на голос. Подбежал, оказался молодым и крепким мужчиной, по одежде – рабочий.

– Ох ты, беда какая! Да как же вас угораздило?

– Женщину тащи!

А та уже рук поднять не может. Матвей руку её в воде приподнял, парень ухватился.

– Тяни, только не рывком, а то вывихнешь, – предупредил Матвей.

– Нешто мы не понимаем?

Плавно, но мощно, буквально выдернул женщину из воды парень. Матвей одной рукой за лёд держится, другую приподнял. Женщина уже на льду, ему полегче, не держать тело на плаву. Ещё боялся, что обоих под лёд затянет течением, тогда смерть быстрая, но мучительная, от удушья. Парень и его вытащил. Матвей без сил на лёд лёг. Спаситель на мундир жандармский с отвращением посмотрел, сплюнул и удалился. Наверное – из революционеров, они жандармов сильно не любят, заклятые враги. Матвей парня даже поблагодарить не успел, но лицо его запомнил. Земля, она круглая, даст бог, свидятся, хотя велик Питер.

Отдышался, на коленях подполз к девушке. Дышала она, но дыхание тяжёлое, с каким-то бульканьем. Видно – нахлебалась воды. Подтянул её за талию Матвей, уложил на своё колено поперёк живота, её верхняя половина тела внизу оказалась. Из рта, из лёгких вода пошла, девушка закашлялась. Матвей уложил её на лёд. Девушку в больницу надо, наверняка переохлаждение, может воспаление лёгких заработать. Натянул сапоги, ноги уже от холода чувствительность потеряли. Надел шинель, застегнул ремень. За руку поднял девушку на плечо, пошёл к набережной. Да ещё пришлось вдоль берега аршин сто идти, пока спуск к воде не нашёл. Были такие ступени из гранита, чтобы на лодку или корабль посадку произвести. По ступеням, оскальзываясь, поднялся к мостовой. Промокшая одежда заledenела, странно шуршала при каждом движении, но главное – отбирала тепло. Матвея знобило. Прислонил девушку к чугунному ограждению, стал выжидать сани. Морозец градусов двадцать, высокая влажность из-за близости Балтики, ветерок. Вскоре показалась пара гнедых. Такие любят купцы средней руки. У чиновников в выезде лошадь одна, нечего пускать пыль в глаза за государев счёт. Земским врачам казна оплачивала тоже одну лошадь, её содержание и жалованье извозчика. У купцов побогаче, да у фабрикантов в выездах зачастую тройки запряжены, показать окружающим достаток.

Матвей вышел на средину проезжей части, поднял руку. Лошадь остановилась, кучер с облучка саней закричал:

– Прочь с дороги!

Шинель покрылась инеем, пропиталась влагой от одежды и разобрать, что перед тобой жандарм, невозможно. Иначе бы убоился кричать кучер. Матвей подошёл к саням. Там хозяин, он распоряжается, а не кучер.

– Господин хороший! Девушка в полынью провалилась, срочно в больницу надо.

– Конечно, конечно, о чём разговор?

Матвей помог девушке сесть. Места в санях-розвальнях только на двоих. Сам на запятки саней, на полозья встал.

– Но, – закричал кучер.

Все команды лошадям отдавались на немного видоизменённом татарском, повелось ещё с времён татаро-монгольского нашествия. До той поры воинство русское было в основном пешим. Конно ехали воеводы да небольшие боярские рати. Русские потом во многом переняли и тактику монгольскую и воинство на коней посадили. Кони мобильность дают, стреми-

тельность и мощь атаки. И сейчас, когда пушки появились, на морях броненосные корабли, в почёте в русской армии казаки, драгуны, кирасиры, гусары.

Сытые лошади несли быстро. Хорошо подкованные лошади не оскальзывались в поворотах. За санями клубилась снежная пыль. Кучер кричал:

– Дорогу! Зашибу!

Если на полном ходу лошади собьют зазевавшегося пешехода, быть беде. В лучшем случае изломают, искалечат, а то и убьют. Домчались до Обуховской больницы, что на набережной Фонтанки. Матвей сам озяб сильно. На быстром ходу саней ветер задувал в рукава, леденил шею. Соскочил Матвей с саней у больницы и едва не упал, ноги не держали, окоченели. Купец не побрезговал, помог донести девушку до приёмного покоя. Сёстры милосердия забежали, сняли с пострадавшей пальто, туфли.

– Вы ей кто?

– Случайный прохожий. Она в полынью провалилась, пришлось помогать.

Разговор услышал врач, подошедший сзади.

– Позвольте, вы и сами промокли!

– Есть такое дело.

Отрицать бесполезно, да и зачем. В приёмном покое тепло. Лёд на одежде Матвея подтаивать начал, под ним лужа растекалась. Врач потребовал:

– Вам самому согреться надо. Промокшую одежду снять, обтереться насухо, выпить стакан грогу. Иначе воспаление лёгких приключится.

– Спасибо за совет.

Доктор занялся девушкой. Матвей услышал, как девушка отвечала сестре милосердия:

– Да, Елена Троицкая, учусь в Елизаветинском женском институте.

Матвея попросили выйти, девушку принялись раздевать и посторонний мужчина оказался лишним. Он подошёл к регистратору, попросил разрешения позвонить. Дежурному жандарму в Охранном отделении сообщил, что задержится по уважительной причине. Перехватил на улице извозчика, доехал до дома. Как зашёл в квартиру, мама испугалась, всплеснула руками.

– Матвей! Что случилось?

– В реке побывал. Мне бы переодеться.

Мокрую форму снял. Был второй комплект формы. Переоделся. Отец наблюдал за Матвеем с неодобрением.

– Тебе бы горячего чая с малиной или грога, да в постель. Согреться, пропотеть.

– На службу надо. Не ранен же я.

– Ну да, служба без тебя остановится, террористы Зимний дворец возьмут, а боевики разграбят Государственный банк. Заболеешь ведь, дурень!

Всё же Матвей отправился на службу, чувствовал себя вполне сносно. Переодевшись в сухое, немного обогревшись дома, он уже воспрял духом. Приятно спасти человека, а не отправить его на эшафот, пусть он и виноват.

Однако уже к вечеру почувствовал себя неважно. Поднялась температура, появился озноб, потом сухой кашель. Ротмистр Коновалов обратил внимание:

– Лицо у тебя красное. Заболел?

– Похоже на то.

– Ступай домой, вызови врача, отлежись. Телефонируй завтра, как и что. Срочных дел у тебя нет, насколько я знаю.

– Так точно.

А дома слабость навалилась. Родители заметили, что сын нездоров, вызвали домашнего врача. Доктор прописал аспирин, травяную настойку от кашля и постельный режим на три дня.

– Завтра к вечеру я вас навещу, – пообещал он.

Доктор был уже в возрасте, седой, борода клинышком, в пенсне. Ни дать, ни взять – Чехов собственной персоной. Вызов доктора на дом был платной услугой и недешёвой. Но доктор лечил ещё его родителей, да и его самого в бытность мальцом, был лекарем от бога, ему доверяли.

Как ни крепился Матвей, а слёг всерьёз. Ночью метался в полубреду на постели, кашлял. И в итоге не вставал с постели неделю, а потом ещё неделю отсиживался дома из-за слабости. Временами вспоминал спасённую девушку. Как её звали? Вроде Елена. Как она? Было бы обидно узнать, что тяжело болеет, а то и вовсе умерла от лихоманки.

Всё же организм молодой, сильный, не отравленный алкоголем или табаком, выкарабкался Матвей из болезни и домашнего заключения. Уже и февраль на второй половине, ослабли морозы, зато снега навалило изрядно. После каждого снегопада дворники ещё рано утром начинали работать лопатами, метлой, скребком. Дворниками зачастую работали татары, к работе относились добросовестно. Кстати, многие профессии в городе были заняты «своими». Например – официанты в ресторанах либо ивановские, либо тверские. Продавцы ситчика – вологодские, солью торгуют вычегодские.

Два дня ходил на службу, сослуживцы обрадовались. И товарищу рады и полегче, всё же не велика группа Коновалова, а спрос жёсткий. А третий день случился воскресеньем. С утра с родителями в церковь, а потом решил в Обуховскую больницу сходить, навестить «крестницу», как он её назвал.

Сёстры милосердия braveго прапорщика вспомнили.

– Как вы?

– Две недели болел. Мне бы узнать о состоянии девушки, вроде Елена Троицкая.

– А вы сами к ней в палату пройдите, в седьмой она лежит. Тяжело болела, но уже на поправку пошла.

– Можно немного попозже?

– Пожалуйста.

Идти в палату к болящей с пустыми руками нехорошо. Самый изобильный товарами, но и самый дорогой магазин – на Невском, Елисеевский. Этого же купца магазины и в первопрестольной есть. Знать бы ещё, что Елена любит. Уже подойдя к магазину, подосадовал на себя. Вот дурная башка! У сестёр милосердия надо было спросить – а что ей можно?

Шоколада купил, говорят – он силы добавляет и хорош при всех болезнях. А ещё яблок и заморских апельсинов. Продавщица уверила, что из Греции доставлены. Впрочем, Елисеевский магазин был славен качеством, здесь закупались люди состоятельные, знать. Покупки продавщица уложила в лёгкую плетёную корзину. Вышел Матвей на Невский, сел на трамвай, усмехнулся. Со стороны посмотрят, так вроде на свидание собрался, только цветов не хватает. Да и не довести их сейчас, мороз по ощущениям градусов пять, почернеют лепестки-то.

Вернулся в больницу, пальто снял, ему в гардеробе белую накидку выдали для посетителей. Вроде халата, но без рукавов. Вот и седьмая палата. Постучался, всё же палата женская. Вошёл и замер. Кровати в два ряда и числом два десятка. Со всех на него больные смотрят – к кому посетитель? На женщинах косынки больничные, белые. Слегка растерялся Матвей. Он видел Елену в обстоятельствах критических, да и волосы мокрые, слиплись. Собственно, разглядывать некогда было, жизнь спасать надо было и ей и себе.

– Вы к кому? – обратилась к нему пожилая женщина с ближней койки.

Видимо, такие затруднения испытывал не он один.

– К Троицкой.

– Лена, к тебе ухажёр!

Да никакой он не ухажёр, но всем объяснять не в его правилах. В дальнем углу палаты приподнялась девушка, махнула рукой. Матвей подошёл.

– Вы Елена?

– Да, а вы кто?

– Кто из проруби вас вытаскивал.

Матвей старался говорить тихо, ибо все женщины прислушивались. Женское извечное любопытство. Да ещё в палате скучно. Никаких развлечений, кроме посетителей. Только на тумбочке прикроватной у одной пациентки газета лежит, да у Елены в руках учебник по географии.

В Санкт-Петербурге было десять женских институтов и училищ. Самый престижный – Смольный институт благородных девиц. Первое в России женское учебное высшее образовательное заведение, основанное ещё в 1764 году по указу Екатерины II. Принимали туда дочерей отцов не ниже чином действительного статского советника или армейского полковника на казённый счёт. А за плату и дочерей потомственных дворян. Изучали закон Божий, русскую словесность, иностранные языки – не меньше двух, географию, арифметику, историю, рисование, домоводство, а ещё танцы.

Елизаветинский институт, где училась Елена, классом пониже. Но предметы изучали те же. Основан в 1806 году, обучались дочери купцов, священнослужителей, чиновников средней руки. Плата за обучение триста рублей в год, для рабочих сумма непосильная. Был закрыт большевиками в 1918 году. Впрочем, как и Смольный, Патриотический, Николаевский, Мариинский и прочие. Грамотные женщины большевикам были не нужны.

– Ой, не признала. Спасибо вам за спасение!

– Это вам.

Матвей поставил на прикроватную тумбочку корзину с передачей.

– Поправляйтесь. Простите, раньше навестить не мог, сам простыл.

Матвей в гражданской одежде был – шапку, и пальто в гардероб сдал в обмен на накидку для посетителей. А по костюму не скажешь, к какому сословию он принадлежит.

Для женщин в палате появление посетителя – хоть какое-то развлечение. К тому же пациентка на соседней койке проговорила:

– А говорила – знакомых в городе нет. Мы и поверили. А у неё вон какой ухажёр-то!

Другая больная вмешалась:

– Авдотья, типун тебе на язык. Ежели бы мужчина ухажёром был, сразу объявился. А этот через две недели.

Ага, стало быть, посетителей не было, значит – не местная, не городская, сразу сделал вывод Матвей. Разговор не клеился. Во-первых, посторонних ушей слишком много, во-вторых, они почти не знакомы и как найти тему, интересную обоим?

– Позвольте навестить вас ещё раз? – спросил Матвей.

– Пожалуйста, воля ваша. Только не хочется вас обременять.

– Желаю быстрого выздоровления всем, – громко сказал Матвей.

– Спасибо! Благодарствуем! – раздался нестройный хор голосов.

Девушка Матвею понравилась. Лицом хороша, не болтлива, пожалуй, даже застенчива. Надо бы продолжить знакомство. В первый раз воспользовался служебным положением в личных целях. Подошёл к сестринскому посту, попросил «скорбный лист» на Троицкую.

– По какому, собственно, праву? – упёрлась сестра милосердия.

Пришлось предъявить жандармский жетон. В блокнот карандашом списал все данные девицы – адрес, год рождения, род занятий и вероисповедание. Да, была такая графа, дабы не накормить мусульманина или иудея пищей не халяльной. Как в дальнейшем оказалось, поступил правильно, дальновидно. Всё же наставления отца и навыки службы уже сказывались.

Потому что уже через несколько дней выехал в командировку в Варшаву. Тамошнее отделение жандармерии задержало эсера-максималиста, разыскиваемого за убийство двух полицейских и чиновника в Царском Селе.

Матвей имел на руках подробное описание преступника и должен был его допросить. Не причастен ли он к акту терроризма? И если подтвердится участие, этапировать его в столицу империи. Командировка, предполагаемая на два – три дня, не считая дороги, затянулась.

Некий Меркушев успел «наследить» ещё и в царстве Польском. Стрелял и ранил воеводу одного из уездов. Трибунал жаждал осудить его на месте и привести приговор в исполнение. Но Матвей имел жёсткий приказ – доставить в случае участия подозреваемого в убийстве в Царском Селе в Санкт-Петербург. Пока начальство созванивалось, да пересылало бумаги, прошла неделя. Медленно, со скрипом, работала государственная машина. Но всё же выехал поездом в столицу. Арестованный при нём в кандалах и двое жандармов из нижних чинов для конвоирования. По специальному документу-требованию Матвею было предоставлено купе на четырёх человек. Пассажирские вагоны тогда не были стандартизированы. Например, купе в вагоне имели два входа. Один с улицы, отдельная дверь в каждое купе, а другой вход из общего коридора. По нему проводник чай разносит, пассажиры в туалет ходят или направляются в вагон-ресторан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.